

Ражая. Волей богов

Арсений Зензин

Арсений Михайлович Зензин

Ражая. Волей богов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71207788

SelfPub; 2024

Аннотация

Скальды да ведуны иной раз молвят от мудрости своих долгих зим:

«Не ищи богов внимания и любви! Их сильно-могучих привязанность ведет в руку с великими свершениями, саг достойными, бессчётные горести да утраты!»

Вот и не знаешь иной раз – словами напутственными «Любят тебя боги!» то ли благостей пожелал, то ли проклял!

Оставив часть своей опалённой горнилом войн души в чуждой веры иноземных краях, навечно заклеив память бессчётными горестями, ведомая жаждой мести Алира возвращается в вольные земли.

Кланов исконная вотчина, Клыки рока, уже никогда не станут прежними в омертвевшем взоре мастерицы пляски тяжёлого клинка.

Тем паче от поступи Греха владычицы, прорвавшейся за доселе непроходимый барьер, адова скверна вольно ползет по ущельям и нагорьям земель щуров, заливая, аки половодьем, кровавыми потоками долины и селения дикарей, обрекая Ражую с её разношёрстной кликой сызнава дать бой!

Содержание

Пролог.	4
1 Глава.	57
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Арсений Зензин

Ражая. Волей богов

Пролог. Клан рыси.

– Ну сегодня боги щедры! Славься Анистара прекрасная хозяйка дремучих пущ, охотников покровительница! – бормотал себе под нос Верек, выуживая тушку зайца из плена петельки силков, лестного бегуна сменившего летний русский раскрас меха зимним белёсым.

Крепко сбитый охотник в скроенном из волчьих шкур одеянии с парой малых боевых топоров в петлях по бокам широкого пояса, подвязав длинно-лапую добычу к вороху прочих, кинутых через плечо из-за коего до кучи высился рог ладно склеенного лука, сызнава растянув петлю-удавку присыпал её снегом, устремляясь проламывая глубокий наст к последним своим силкам.

Ещё полудня не миновало, а лик Верека светился счастьем на каштановую плетённую косами бороду и пронзительные серые глаза, едва видимые из-под плотно натянутой шапки меховой оторочки. Он, радуясь знатной добыче –

множеству шкурок, неспешно брел через выстланный белёсым снежным убранством многовековой лес. Стороной обходя валежник и буреломы настороженно петляя меж шершавых, не обхватишь вот так на раз, стволов сосен и елей, тяжелеющих кронами от веса снега, то и дело падающего заслугой ветров вниз, даруя свободу ветвям пушисто-колючим. Чуткому глазу виднелись следы проломившего корку наста лося, волчьей стаи тропа, коли не знаешь то и не поймёшь, вроде как один серо-шкурый охотничек брел, ан-нет любят лестные барды чаще луну славившие своим воем, вот так прятать своё грозное число, идя друг другу в лапу следом.

Но не им озибался Верек а прародителя страшась, кабы не засел пятнистый на какой ветке поджав уши с кисточками! Медведь спит себе по берлогам, волк редко когда на человека осмелиться напасть, ну разве что совсем в голодную зиму! А вот рысь это другой разговор, не любит, когда по его охотничьим угодыям шныряют, кот лесной – прародитель клана Верека, что супротив прочим кланам от худой головы чуть не на пиках возложившие селения, жили себе в глубине лесных пущ укрываясь их чащами от ветров, пригнанных с дальнего севера коридорами ущелий.

Чуть подняв голову, охотник оглядел высившиеся над лестными кронами горные пики, объявшими неодолимой зубчатой стеной долину, раскинувшуюся у их корней, словно порталами в навь расчерченную реками и бессчётными

озерцами берущими истоки с горных ручьёв. Родные глазу, древние как само время кряжи, попирающие небес чертог белыми вершинами, роднились меж собой щербатыми склонами и извилистыми хребтами рассеченными по скалистой плоти глубокими ущельями. Дикой нетронутой красы суровые края, что ежели однажды попали на глаз то до скончания дней, будут пленить душу!

Средь прочих гор, обители орлов и ястребов, нареченных вольным народом горцев Клыками рока, выделялась одна вершина в юдоли облаков венчаемая короной синей ледяной кромки, объявшей три зубца скальных клыков! Лыдистое копьё главное святилище вольных земель приковывало взор своей непередаваемой красотой, заставляло почтительно склонить голову почтением!

«Как уж вы могучие творцы предвечные, допустили тако непотребство?» – молчаливо воззвал к богам великанам Верек, неотрывно созерцая священный пик на коем раскинулось главное капище древней веры!

Восемь тысяч ступеней неуместно кем выщербленных в плоти скал вели к тому капищу, петляя по склонам меж рунических камней, баявших узорами историю самих творцов предвечных! Каждый год в день середины зимы как повелось от правды щуров славных, все вожди кланов равно жрецам-ведунам и вельвам поднимались под шапку облаков дабы на главном капище вознести богам кровавые требы и испросить совета! Но это зима вышла горькой, ведь видения

явленные вельвам да ведунам заставили объединённую рать горцев покинуть предел Клыков рока спуститься в чуждые земли иной веры в какого-то там спасителя! Огромной ордой проторить тропы чрез закупоренные снегами ущелья дабы взять приступом город Аннисбург в коем свило гнездо само зло, всех жителей обратив в драугров – мертвяков неупоко-
иных силой адовой скверны!

Никогда! Боги свидетели, никогда горцы не покидали своих владений столь грозным числом! И в том была крепость их крови не разбавленной дрянью и скверной внешнего мира! От коего боги огородили избранный народ непроходимыми перевалами и ущельями. Нет, были в древние поры, что скальдами в сагах воспеты, набег на приграничные к Клыкам рока поселения -кровавая отместка за походы веры иноземных воинов грозных воинских братств – орденами клоченных, все алчущих главного богатства кланов, черной руды коей полны недра гор! В вес золота шло оружие с неё кованное, что помимо необычайной крепости легко секло всяческую погонь нечистую от нави пришедшую: мертвяков-драугров, призраков и демонов порождений иных миров бездны, что все пуще каждым столетием наседали на весь внешний мир! Паводки, не затворимые потоки крови пролились в былые века за этот минерал, равно таинству его выплавки, а уж низовья ущелий и по сей день белеют непокрытыми курганами костяками павших, медленно зарастая мхом выгнивая ржой на кольчуги и оружие.

Да, кланы никогда не жили мирно, не упуская okazji мечами да топорами померяться, тела равно воли каля в непрестанных битвах, такова была дикая необузданная природа горцев. То волк огрызался на ястреба сечью звеня по ущельям, то ястреб пикировал на медведя, иной раз и рысь сходилась с лосем за лучшие чащи лесные! Но когда на пороге их земель возникали иные знамена, кланы разом братались, крепились клятвами под дёрном да на крови и опрокидывали гостюшек незваных непривычных к сражениям по горным тропам в бездонные пропасти стенами щитов!

Все изменилось в одночасье, когда в тех королевствах отринувших устоя предков новой дурной верой, уж захлебнувшихся скверной от дурной жизни бесчестной, к власти пришли Жрицы-судительницы, заключившие мир с кланами и все ордена воинские направив на единственное верное направление на юг, держать границу от адовых прорывов!

Верек как-то слышал от гостя годами мудрёного зимовавшего в их клане, дескать там далеко есть целые океаны песка серого как промозглый осенний день, выгоревшего ласками солнца и силой адовой скверны. И посреди тех краёв хоронятся в сумрачных пустынях древние города да храмы в чьих криптах обираются мощи нечистые силы и рогатые монстры, раз от раза нахлёстывая на цитадели-крепости ревнителей, стойко держащих рубеж рода людского! Но то байки были явные!

«Песка океаны, ишь чего выдумали, может еще и мир наш

круглый, а коли так чего не покатиться стороной и не поплющит всех жителей!» – думал себе Верек идя дальше лоя корку наста. Последний силок оказался пуст, но охотник широким кругом обойдя несколько рощиц частых звериных тропок вокруг лизунца, выйдя почитай обратно к санной дороге, не расстроился, и так добыча была хороша не пришлось даже луку давать волю снимая с ветвей какого глухаря.

«И вот на его Верека веку горцы впервые на памяти скальдов нарушили древние устои!» – продолжил хмурить мысли охотник и скорняк первый во всем клане. – «Себе на беду пошли ратью освобождать чужое становище! И что? Сыскали славы? Нет обнажили границы оставив без крепких воев! Чего таить, ведунов, мухоморов, видать перебравших про беду страшную вещавших, послушали и в его клане, три сотни горцев под знамёнами рыси поплелись в этот черт его, где потерял Аннисбург!»

Воротились, сбавив числом, ужасы про нечисть баять да росказни несусветные травить с хмелем залитых глаз, обособливо о какой-то там Мириам, что посекала невиданно рогатых и дочери клана ястреба Алире мастерицы длинного клинка пляски! Много подарков и злата за подмогу приволокли, стыдоба не с бою взятых сокровищ! Но Верек не был средь их числа, крепко веруя в заветы богов и щуров! Тем паче, что до него донеслись и другие сплетни одна другой хуже! Не иначе тем мигом, когда горцев орда покинула горы родные, один из тьмы вождей сумел просочиться за барьер

Клыкков рока порушив незримую от сотворения границу!

Эти недомолвки страшили охотника! Заставляя пуще прежнего богам жертвовать, обособливо покровителю кузнецов да ковалю людских душ Сидрасу последнему великанов рода, что в тёмной кузне укрытой в корнях земли, освященной кровью тверди земной лавой, молотом единой дюзы кристалла, куёт меч каждого живущего в разводах стали обрекая, где на радости, где и на горести! Водилось чего кривить и у них всяческого лиха и драугры свои по древним курганам иной раз очухивались до сырых портков привечая правнуков, и духи беспокойные иной раз объявлялись, но, что первых, что вторых или черной сталью наскоро успокаивали или ведунов словом потаённым! Но вот адовых воинов неистовых, за поступью своих копыт, ведущих по пепелищам пожарищ скверны рассадники, горести, урожая да скота падения и хвори невиданной поветрия, от времён сотворения не было хвала богам!

«Во только уже как три луны миновало да не видать было рогатых демонов в вольных землях, может враки то всё были!» – невольно коснулся груди под серо-стального меха одеянием Верек, где поверх метин медведем шатуном оставленным, обретался на шнурке множества когтей и клыков, камень бережный черной руды священной! – Пусть дальше так и остаётся! – пробормотал он в слух, уже выходя из сени зимнего леса на санную дорогу, а там еще солнце к закату пойти не успеет, прячась за пиками Клыкков рока, а он уже

увидит, как посреди поляны большой обьяв добротным ча-стоколом высоким с частыми башнями рубленными, раски-нуться его деревушка в двадцать денных домов родовых на холодную пору и вовсе на сугробы схожих в окружении хле-вов и сараев! Даже отсель из-за крон лесов средь коих змеёю вилась санная дорога, видать было дым с кузни мастера Ин-гра, да медоварни в коей по чанам услада бурлила терпкая такая хмелящая, к двум клубящимся струям добавляя гари плелись и очагов вздохи.

Лыжи широкие и добротные оказались в шагах ста от Ве-река и кланик перебросив связку тушек с правого на левое плечо, направился к ним ступая по глубокой колее, остав-ленной полозьями саней, окидывая с благодарностью ровные стволы хвойного леса кормильца.

До лыж оставалось не более десяти шагов, когда на южной стороне от деревеньки лесных котов из леса диким щебетом сорвались с насиженных ветвей все какие были там птицы, темным облаком устремляясь в сторону охотника.

«Что за беда?» – никогда допрежь не видел Верек столь странного поведения пернатых скальдов, явно испуганных чем-то до селя невиданным! А следом его оторопи при-шло воспоминание о дядьке давно уж переступившим порог перерождения! Старый Ульдир в последнюю зиму мирской жизни совсем на головёнку, частых битв молодости облас-канную, поплохев, то и дело срывался в бег задорно так не по седым зимам скачками минуя что своего подворья пле-

тень, что соседских, вереща: (Дрикон! Дрикон летит нас пепилить!) Иной раз и вовсе только за городьбой частокола на отшибе поселения могли нагнать беглеца! Верек все смеялся над дядькой пуп надрывая ровней остальным да малым детям! И вот Сидрас видать решил воздать за неуважение к старости! У самого охотника-скорняка тронулся рассудок! Ведь за облаком птиц летел тот самый окаянный (Дракон!) ну в точь как в древних сагах!

Кожистые крылья размахом не менее футов десяти ловили потоки ветров иной раз прибирая взмахами высоты. Тварь из древних сказаний, чуть не стелясь над устланными паволокой снегов кронами все ближе подносилась к Вереку.

«Нет не Дракон!» – уже оттянув к щеке плетёную жилами тетиву изогнувшего плечики лука, сощулив глаз меткий, выцеливал стрелой равно храбрости силуэт в небесах охотник, запоздало прозревая, то демон преисподней порожденный!

Крылья несли тело отдалённо похожее складом на человеческое, вот только кожу под коей набухали канаты мышц, взбухших мощью непомерной, сменила черная чешуя аки у ящера, под горящей внутренним пламенем бронёй множества шипов массивных наплечников. Ноги оканчивались копытами в точь у барана, а голову венчали крученые рога!

Вот тварь обернув уродскую голову в шеломе длинных шипов брамниц, будто затравлено обернулась, не приметив под собой иной опасности, и тетива чуть не сббив клочок бороды дала волю древку едва демон крылатый пронёсся над

охотником.

Нечисть взвизгнула, а стрела черной стали наконечника, шелестя по ветрам оперением, глубоко засела в боку аккурат под кромкой нагрудника. Полёт чуть сбился, крылья взмахнули невольно, но тут-же исчадие вправило свой полет, не иначе грозя Вереку взмахнув ребристым палахом жуткой формы.

Вторая снасть в два удара сердца легла на лук, глаз взял упреждение, вот только выстрелить не повезло.

– Прочь раскоряка, чтоб тебя белки шишками закидали! – грубым женским гласом донеслось из-за спины наравне нарастающему грохоту.

Верек последним мигом отскочил с санной тропы увязнув в сугробе, уступив место упряжке из семи баронов, истошно перебирая копытами тесня друг друга рогами кручёными, волочивших с бешеной скоростью длинные сани, над полозьями вдоль бортов устланные круглыми щитами окованными.

Бычьей шеи, неуместно для девы дюжая возница, нахлестывая возжи, в ширококостном лице, выкрашенном синим боевым оскалом полос вайды, обернулась, раскидав по косым широким плечам, сокрытым кованными воронёнными наплечниками множество кос рыжих, сверкнув редкими среди клановых племён зелёными глазами!

На самих санях, взметающих снежное марево, чуть не ложащихся на борт в поворотах виляющей санной дороги, по-

мимо неё был единожды виденный охотником вождь медведей Скавел, кряжистый на крепость воин справный, за ратную ярость нареченный Медвежьим рёвом, длинной плетённой бороды да ламеляра чешуи нагруднике, им компанию составлял иноземец крепкий, светлых волос хвоста, аккуратной бороды в хоуберке длинном нашитых колец.

«Прости дядька Ульдир!» – потянул шапку долой Верек взмокнув по челу холодным потом, порешив что по наследству принял хворь дурной головы от родича! Ведь с заднего борта телеги на него глянул ребёнок развевающихся проказами ветров темных волос в меховой безрукавке поверх платья зелёного, огромных карих глаз, растянув милое личико носика пуговики в широкой непомерной улыбке, от ушка и до ушка как у лягушонки, полной острых клычков!

– Шапочку мою подбери! – указала дивная кроха назад за спину охотника, ручкой тоненькой с тремя аки у птички пальчиками когтистыми.

Верек совсем бледный с лица обернулся, увидев лежащую на отшибе дороги, крутой извилине поворота, отороченную мехом пропажу, наверняка сбитую ветрами от скорости.

– Давай пламя горна! Сбивай тварь! – рыком дракона, того видать самого койй мерещился дядьке Верека, сквозь скрип зубов гаркнула Алира сведя яростью лик, высыпанный под вайды узором веснушками.

И барон Руд на пару с со Скавелом взяли в прицел боль-

ших осадных арбалетов летучую бестию! Клацнули тетивы, Медвежий рев промазал, а вот Руд более привычный к самострелу угодил аккурат в брюхо рогатого, разметав чешуйчатую плоть хитрым наконечником болта, скованным на четыре зазубренных шипа перекрещенных меж собой, должных при попадании вовсе раскрыться подобно цветку.

Адово порождение, издав рёв полный боли, резко потеряло скорость и угодило, сбив снегов убранство в одну из сосновых крон да ломя с треском ветви обрушилось вниз.

Верек чертыхаясь и сбросив связку шкурок, держа в руке с луком шапочку девочки, ломил сугробы торя прямую тропу через подлесок минуя извилину поворота, напрямик через зимнюю пушу к месту куда пал крылатый ужас.

С пол сотни шагов, подранные об кусты молодой черёмухи штаны, ходом перемахнутый вырванный ветрами ствол ели, и ему предстала будоражащая картина, посреди поляны аккурат невдалеке от санной дороги. Достойная какого длинного полотнища в довесок к скальдовской песне!

Тварь чьи крылья торчали окровавленными перебитыми костями, облокотившись спиной о ствол сосны, взмахами своего палаша оборонялась от троих врагов обступивших её с трех сторон.

Слева был иноземец, раскручивающий булаву, прикрывшийся щитом каплевидным. Справа Скавел-вождь, выставивший пред собой кулаки с чудными овечьими средь кла-

нов славой, кованными когтями, почитай в локоть длиной по два изогнутых лезвия с каждой стороны кулака. А уж впереди дева ражая, складом богатырского любому ратнику в слёзы завести тела и рыжая на космы, держащая в окованных воронённой сталью наручей дланях, двуручный меч когтистой широкой гарды, без малого четырёх футов длинны от рикассо неточечной пяты в коже чехле, до кончика, расходящегося не в пример прочим клинкам двумя шипами, по чьему долу ветвились золотым узором хитрые руны иноземные.

Алира, еще впредь того, как окликнули воительницу, Верек, признал её, уж больно славили дочь клана ястреба вои воротившиеся из-под Аннисбурга! И мигом позже охотник прозрел не за зря так её небылицами обложили!

Первым вперёд подался иноземец, оборвав пустяшные путающие взор взмахи булавы ребристой. Демон, упреждая порыв саданул крест-накрест по его щиту, брызнувшему щепой, заставив воя охнув от силы ударов податься назад. Следом, почти в то же миг наскочил Скавел ну не иначе медведь на задние лапы, вставший буйством, вождь молниеносным рывком сократив дистанцию пометил и без того подранное тело длинными ранами от каскада росчерков своих когтей, и едва исчадие вдарило по нему в горизонте размашистым рубящим, он, стыдя даже рысь ловкую, своей грацией, перевернулся назад через голову прытко вскочив на ноги.

— Где твоя госпожа тварь! — только ражая стояла покамест непоколебимо, не дергалась, просто буравила лютой ненави-

стью тьмы порождение. Прожигала насквозь взором зелёных глаз.

Исчадие адово обернуло свой чудовищный шелом чрез прорези пожирая противницу желтыми буркалами. – А где батюшка твой? Крепок был его дух, но и не таких ломали! – мерзопакостно гоготнул демон.

Никогда до преж Верек, даже опустивший лук, не видел смерти лика! Все думал скальды привирают своей истёртой присказкой: «С его лика глянула сама смерть!» Но как вышло не лгали златоусты! Даже оторопь взяла охотника тем мигом, когда, оледенив его нутро передёрнулась на свой широких скул лик, Алира, заиграв жвалами со скрежетом сцепив зубы еще пуще твердостью очертив челюсть.

И вот она рванула вперед, сильно припадая на правую ногу явно скалеченную, бросив широкой мельницей мастерским перехватом клинок за спиной, да грянув наискось рубящим с левого плеча сверху-вниз, выбив подставленный защитой палаш адовойковки из когтистых дланей. Справа-налево в горизонте вырвав шипом кончика двуручника неприглядную гирлянду потрохов адовой твари запятнав ими белизну снегов. А уж после обернувшись вокруг себя с инерции тяжелого оружия, грянула широким замахом из-за головы рассадив в полы голову в ребристом шеломе аккуратно меж рогов. Даже ствол сосны в коей миновал голову бестии вгрызся двуручный клинок и тот пошёл трещиной от вложенной в сей страшный удар силищи.

Три удара и тварь сгинула, три удара размытых бешеной скоростью невозможной, до конца его дней в отмеренный ковалем Сидрасом срок, запомнились охотнику накрепко.

– Ну уложили? – выглянула из-за борта саней, укреплённого щитами, маленькая девонька.

– Ага крошка спровадили обратно в бездну! – крикнул ей Руд скривившись оглядывая как чадя плотью истлевало тело демона.

– Не вызнали куда летел? – подошла к растерянному охотнику крошка, потянув из его длани шапчонку свою, вот только не получилось впавший в остоленение Верек крепко сжимал её.

– Да не шибко разговорчивый попался! Но ничего бусинка, летел окаянный аккурат вот к тому пику! – указала рукой на одну из трёх накрытых шапкой снегов вершин севера Алира, а после уперев меховой сапог в панцирь твари, стала выуживать, кряхтя свой меч из древа и судя по искажившемуся лику засел он там крепко!

– Летел он к курганам Изгиррульва! – обмолвился охотник, указав на тот-же самый пик только гораздо ниже, где чуть выше предгорий из серой морщинистой плоти горы показалось усталое снегами плато к коему от сел видать, бежала широкая высеченная в камне лестница, бежала петляя меж скальных клыков.

– Курганы Изгиррульва! Что ему черной душе там понадобилось хотел бы я знать! – обмолвился Скавел почтитель-

но склонив голову окинув священное на ровне Лыдистому копыю место, чуть правда поежившись суеверным трепетом.

– Я слыхала о них! Но допрежь не видела. – наконец с треском ломящегося древа выудила своего красавца черной стали Алира.

– А что за место такое? – в голос спросил Руд, и бусинка а Верек теперь впервые пристальней пригляделся к иноземцу как выходило справному войну оружному булавой. Открытое твёрдо очерченное лицо светлой аккуратной бороды и пронзительные голубые глаз полные потаённой в глубинах души печали. Приметил он и то, что бронь на дикарке не вся была кована, наплечники и наручи ладные да, а вот кираса тремя пластинами скрывавшая грудь была ниже рёбер на кожаной основе дублённой, схваченной широким воинским поясом множества кошелёй и длинного боевого ножа в ножнах.

– В древние времена кланами правил единый король, конунг по-нашему! – все также сильно хромая ражая подошла к попятнанной скверне девочке. – Так вот там на этом плато и складывали курганы для всех почивших властителей, красивые полные добра крипты! Но род конунгов прервался, последним был нареченный во славу первого Изгиррульв Черная длань! По всем кланам изверг крови пустил, все предателей искал! Скальды говорят лют был сверх всякой меры и в сечи страшен, да от вёльв дурных советов понаслушавшись и вовсе обезумил жаждой крови! Его там и прикопали

последним, а ведуны с богов помощью припечатали словом отпорным дабы назад не выбрался! А за курганами с той поры дурная слава пошла, по ночам там дескать навьи призраки хороводят и прочее лихо водится, херовое в общем место, темное!

– Я и отсюда чувствую всеобъемлющую ненависть и темную силу что там правит! – соткался из воздуха белёсым облаком Элиот призрак. Бестелесный дух священника из Торсторда в черной сутане монашеской подпоясанной пеньковой верёвкой с аккуратненькой бородкой и усталым залёгшим тенями исхудалым ликом.

Верек взвизгнув фальцетом отскочил, видать в конец сдали нервы, наложив стрелу на лук разом оттянув к щеке тетиву!

– Ну вот всегда так! – покачал сокрушённо головой священник нематериальный.

– Э-не этот наш, свой! – встала пред образом святоши Алира упреждая и без того бесполезный выстрел.

Облизнув губы, чуть не зажевав усов, охотник боязно подался корпусом в сторону оглядывая через поперёк себя шире мечницу, навью неупокоенную, а тот улыбнувшись осенил его святым знаменем спасителя своего.

– На-ка вот приложись! – протянул ему полный мех Скавел.

Верек выдернув пробку на раз почуял добрый мед, отдающий можжевеловой ягодой, крепко закинул мех задержав

кадыком, её лекарство сейчас пришлось сейчас как ни как кстати!

– Ну грозная рать навестим древних вождей! – окинула свою разношёрстную стаю Алира вздернув подбородок в величественном жесте монаршей персоны ну или жуть как важного вождя! – Вызнаем у сухарей чего к ним рогатый в гости поспешал!

– Нельзя! – отер губы Верек. – Курганы Изгиррульва под наветом жрецов и ведунов!

Звук, изданный губами Алиры сильно так походил на непристойное созвучие пускания задних ветров, в красках передовая её мнение по поводу каких-то там запретов, вот только Скавел глядя на неё нахмурил негодованием чело, как никак вождь медвежьего клана, ему ли ведунам поперёк идти, да щуров запреты преступать!

– Сначала испросим дозволения! – твердо промолвил Медвежий рёв устремляясь к их чудным саням. Ему вслед пожав плечиками потопала меховыми сапожками с тремя прорезями для коготков ножек, не шибко отличающихся от ручек тоненьких, бусинка и барон.

Может Скавел и услышал бы в спину витиеватую забористую отповедь ражей, но та пошла на перерез своему крапивному норову сумасбродному, единым воспоминанием о словах почившей жрицы-судительницы Мириам, чей слепой лик, меченный шрамами и морщинами осенённый за челом золотыми лучами кованого ворота горжета, часто виделся во

снах, равно самоотверженной и праведной покаянице Лирии, и отцова изнурённого застывшего покоем лица, найденного в снегах среди кряжей Клыков рока!

Принибрегнув чужой мудростью раз, дочь клана лишилась на своё невосполнимое горе многого и потому сбавила гонор! Чего им один день! Хоть пиво испробуют в клане лесного кота – рыси, да поспят не в шатре на шкурах, а у очага горячего на треск поленьев.

Но уж никак она, чтившая себя воеводой сего собрания, не могла вот так на раз уступить бразды правления хоть мигом, и потому убрав меч за спину скрестила на груди руки, истовой нахальной улыбкой обозревая пустые потуги Скавела едва увернувшегося от ласки головного барана, не подпускающего к упряжи. И только выждав под вопросительными взорами отмеренный её гонором срок соизволила снизить на милость!

Вся разношёрстная клика стала заворачивать сани обратно в сторону оставленной позади деревеньки, но не позже, чем к голове упряжки подошла Алира почесав головного барана серого меха меж рогов да за ушами. На придиричивый взор Скавела отвратная животина характером несносным вся в хозяйку, нареченная Серорогом только воительницу и слушалась окающая, люто ненавидя всех остальных чаще пытаюсь поднять на рога! Бараны дело понятное упёрты все, но этот был и вдвойне ретивее на несговорчивость!

– А как быть с ним? – негаданно задался вопросом Верек

указывая на мертвого демона, что уже весь истлел в черные костяки на коих, обвисли потухшие на внутренний пламень ребристые брони.

– А что с ним? – не поняла сути вопроса кряжистая воительница, оглядывая тварь.

– Такой трофей! – восхищённо заявил скорняк, уже прикидывая как череп сей мерзости будет ладно смотреться на стене его дома промеж набитых соломой голов медведей лосей и волков.

– Сколько дашь? – негаданно ну кот у сметанной крынки расцвела ражая, блеснув зеленью изумрудных глаз, а дух, барон и ребёнок обреченно закатали глаза! «Не с той ты торг начал!»

– Какие котятки! – обронила нескрываемым восторгом бусинка, явно любуясь вырезанными с двух колод грациозно выгнувшими спину рысями, что замерли изготовкой к прыжку, аккуратно пред вратами сидящего в каменной основе чостокола затёсанных бревен.

Большие сани, аккуратно сбавив скорость подъезжали к головным вратам поселения, срубленным на две высокие башни единой крыши над надстройкой чей борт укрывали щиты на ровне бортам саней. Но ражую сейчас больше волновало другое, она, натянув возжи сбавляя баранам ход оглядывала сотни шеломов кованных полумасок, торчащих из-за вершин городьбы, да не дружелюбно глядящие оголовками

стрел, что взяли в прицел их транспорт едва, тот выкатился из сени лесов на заснеженные поля, объявшие поселение. Их настрой она могла понять такой красавец пронёсся над дыханием очагов.

– Свои! – поднялся из саней Верек и водрузил над шапкой, демона отвратную головенку в ребристом шеломе узких смотровых прорезей, клыкастой брамницы, выпускавший на челе рога в стыд разом всей упряжке!

По прикидкам Скавела явно обдурённый ражей охотник отсыпал невиданную сумму за этот трофей! Но боги тоже любители потех покарали поперек себя шире деву за алчность, высмеяв от всей души уже тем-же вечером, ведь охотничек, когда вел торг знал наперед не убыль то, прибыль! Ох и зеленела в тину болотную Алира на свой лик, когда вы знала, что Верек еще прежде заката распродал адову бронь и костяки оставшиеся разов в десять прибрав златом взамен потраченного!

Но то будет позже, а сейчас узрев падшую бестию адового рода, досель невиданную в Клыках рока, не иначе весь клан рыси изготовившийся дать бой пролетевшему над их крышами исчадию, от мало до стара оружно высыпавшийся на оборонный рубеж деревеньки лязгая сталью, грянул радостным кличем, а створы врат распахнулись, чуть не вылетев наружу!

Они ехали по центральной улице деревни меж широких подворьев, прикрывающих плетнями-оградами длинные

рубленные с массивных брёвен дома своими крышами все как один схожие на снежные сугробы, что по верхам скрещивались стропилами, а свесами едва не лежащие на землю, дымящие в преддверии морозной ночи не трубами а дымоходами! По хлевам блеял мычал и хрюкал скот, стайки неугомонной детворы, выпущенные наружу миновавшей опасностью, любопытством глазели на гостей из-за изгородей! Два дома были отличных от прочих ставленных как издревле повелось. Чертог вождя венчающий холм к чьему крыльцу четырёх резных столбов, роднящихся перильцами, пред двойных створ входом вела каменная лестница, а крыша размахом переплёвывала все прочие начисто вычищенная от снега крытая тёсом. И медоварня, вовсе сложенная из валунов, видать знали рыси что беречь пуще прочего надо!

Аккурат пред холмом стоял красивый ясень дюже высокой раскидистой кроны, шепчущей на ветрах бессчётными лентами и берегами, под чьей сенью обреталось капище богов на десяток грозных идолов! Куда не глянь всюду виднелись резанные как у врат рыси то застывшие в прыжке то извернувшиеся изготовкой, по всему крепко чтили прародителя в сём клане.

Покуда сани подъезжали к дому вождя, их объяла прочная гремющая говором и вопросами суতোлка кланников, женщин, вездесущих своим неуголимным любопытством детей, да мужей, зыркающих покамест подозрением, что еще совсем недавно были готовы насмерть стоять на частоколе при-

вечая адову гостюшку!

Каждый клан силён своими войнами, у каждого есть справные бойцы гораздые биться на любом оружьи, от мечей и щитов до копий и топоров, кому как по душе придётся! Но было у каждого зверя прародителя излюбленное на форму, что было ближе к животному духу. У медведей необоримых статью то были секиры и молоты двуручные. Волкам не было равных в стено щитов, как и лесные охотники они своей сплоченной стаей сминали любого грозного врага. Лось от кочевого вольного житейства предпочитал копьё боевое и лук! Ястребы славились равно медведям тяжелыми, но легкими на бронь бойцами гораздыми ломить именно диким натиском и манёвренностью! Вот только рысь была иной, здесь с малых лет в войнах на ристалищах выпестовали ловкость и грацию, в кровавом поту калили биться на две руки и малыми боевыми топорами, гораздыми остервенело рубить, а при оказии и метаться на добрые шагов пятьдесят.

Барон Руд с любопытством оглядывал именно воев кота лесного, все как один обнажённых по пояс на показ выставляя выкрашенные узором вайды ладно сложенные тела жилистые от канатов упругих мышц, на головах шеломы без брамниц с едиными полумасками, на широких воинских поясах множества блях по два топора в петельках по бокам, неизменные равно обережными камням черной руды. Немало было и воительниц, но те грудь прикрывали бандажом льняной перевязью, все стройные аки берёзы да крепкие не

иначе кремень. Чувствовалась в них та дикая первобытная красота суть от сути вольного духа сих суровых краёв.

– Глаза то не растеряй! Не до свадеб нам! – хохотнула над ним Алира заставив барона зардеть ушами.

Ну та то ясно дело про себя мнила дескать соперниц в красе ей здесь не сыщется! Ведь единая ручища ражей, не меньше чем на голову рыжую выше местных, набухшая от мощи, была равно бедру любой местной недокормке сухопарой, а уж шириной косых покатых плеч дочь клана и вовсе превозмогала непомерно, хоть двоих ставь если не притягивать в довесок половину третьей!

– Боги могучие кого я вижу! – аккурат на первой ступени лестницы к чертогу, со своим семейством их поджидал вождь Елистр, знакомый еще по Аннисбургу.

Средних лет воин русой масти волос, проплетённых гребнем через голову выбритых висков и длинных усов моржовых взамест бороды! На ровне войнам он был обнажён по пояс, дюже дорогой пояс, усыпанный поверх блях золотых камнями как на раз заприметила ражая, даже топоров чёрной стали оголовков тронул узор серебра! Слева от вождя стояли домочадцы молодая женщина высоких скул светлых волос с пронзительными голубыми глазами в синем платье плетёного пояса, и двое равных ликом сыновей близнецов годов десяти в меховых шапках и рубахах родового узора по воротам. С четою, правящей не иначе бдя за далёкими родичами чуть дыбя холки лежали в ногах два лесных кота пят-

нистой масти, свирепых харь, ушей кисточек. И не смотри что малы враз освежают во все концы!

Широко раскинув руки в клёпанных дублённых наручах Елистр, крепко обхватил Скавела а после Алиру лобызнув в обе щеки. Погладил и бусинку по головёнке. – Ну други! Смочим бороды добрым мёдом да расскажите про невидаль адову! – указал он на лестницу зазывая в чертог.

– Я вот у волчьего клана волков видела, у рысей тоже есть котята, а почему в вашем клане не живет медведей? – оглядывая кабы не поцапались с кошками её щеночки, да какие там щеночки уже чуть перемахали холками хозяйку два кобеля длинной шерсти, спросила негаданно бусинка у Скавела а тот натянуто-фальшиво улыбнувшись ответил, дескать сильно волен бурый и потому не живет с людьми!

Как кинжалом в сердце вонзился вопросик меченой скверной девочки растеребив в кровь старую рану! На раз вспомнился любящий преданный взор карих звериных очей Сестренки, огромной медведицы, что в юную пору нашлась у растерзанной волками матери. Дрогнули руки у кланников поднять сталь на одной с ними крови кудлатое дитя в голос звериный ревущее утратой, взяли к себе в поселение в надежде выходить. И выходили, росла как на дрожжах покуда не вымахала в бурую громаду – красавицу доброго к своим сердца и лютой ненависти необузданной к врагу! На неё не боясь оставляли детей, да брали с собой в походы! А Скавел младший сын вождя, что с ней почти всегда был, не

таясь сестрой называл так вот и дружили как родичи человек и зверь! Скорбь пришла позже, когда клан медведя затеял тяжбу с лося племенем на порубежье вотчин. Не первая это была сеча Скавела, уже крепла о нем слава воя справно-го, на голову в ратном мастерстве многих кланников превосходящего, избравшего орудием когти ровняясь на медведицу. Много порвала его сестра недругов плечом к плечу с вождя сыном, да пала, на копья подняли невзирая на клёпанную броню под медведицу выкроенную. И тем мигом Скавел и обрёл свое грозное прозвище Медвежий рев, застила глаза кровавая пелена бешенства берсерка, не помнил, как зверем рвал убийц родного существа! Но как потом сказывали рвал по страшному по-звериному! А после оставил клан уйдя скитаться, боясь своим навредить, ведь часто стал в нем берсерк неистовый проклёвываться. Все уж думали пал, где на чужбине, но воротился спустя двадцать зим, заново собрав осколками душу, выковав нерушимый стержень воли, мудрости в странствиях по иным кланам да за чертой клыков рока понабравшись. Вернувшись, порубил брата старшего, совсем властью развратившегося плюющего на щуров заветы и сел на высокое кресло вождя, на радость, как вышло всего клана правая честь по чести! Но скорбь от утраты и по сей день тлела в Скавеле, иной раз тенью ложась на волевое лицо и омертвляя взор.

«Крови родства не оспорить!» Но как бают скальды и ведуны от долгих зим мудрости набравшись. «Нет крепче уз

нежели родство душ! Все в этом мире волей богов сплетено незримыми обычному оку тропами духов, неразрывными узами! А душа есть у всякого стоит только заглянуть в очи, не важно человек-ли али зверь! Ты погляди повнимательней и найдёшь там и радость, и горе и любовь со скорбью! Бездушен лиш тот, кто не признаёт окромя своего, чужого права на жизнь!»

– За помощь клану лесного кота мы вас златом не обидим! – во всеуслышанье объявил вождь Елистр, поднимая кручёный витой рог, щедро бросающий сторонами пену! Указывая им на гостей по правую от него руку за красным столом аккуратно в голове очага супротив входа, на почетной скамье подле кресла вождя! Первой была Алира следом Скавел что, скинув брони да оружие сидели нынче в рубахах просторных светлых, следом Бусинка и Руд в дублете иноземном черной тиснёной кожи,

И снова огромный на простор зал на дальнем супротив входа конце огородивший перерубами хозяйские клетки, ярящегося пламенем длинного очага сложенного ладно камнем, играющегося отсветами пляски огненной по стенам в глухую завешенным шкурами и щитами, вместивший немало люда за ломящимися яствами столами, раскинутыми меж чудной рези столбов двумя рядами вдоль того же очага, попирающими чернеющий копотью свод, грянул ревом радости, слава на все лады гостей уже не первым таким тостом, от коих

те из котов кто послабее желудком был уже пошли в пляс. Не два, не три, а целых шесть бочек крепкого меда и вдвое больше пива выставили коты на потеху в коей явно знали толк! Вон как ногами дрыгали в полуприседе крутятся вокруг дивчин пригожих, под пение рожков да ритм дикий барабанов, сменяющийся то и дело громкой песней раздольной!

– Да пусто... – хотел было молвить Скавел от широкой души и крепкого благородства отказавшись от награды. Вот только каблук мехового сапога Алиры сидящей подле, как оказалось вышел крепче и шире, так приложив под столом пальцы Медвежьего рёва что он всерьёз помыслил не стала ли нога на лапку тюленя схожа! А уж взор, испепеляющий зеленых глаз ражей сулящий разом все какие есть горести в этом мире, и вовсе чуть не высушил язык!

Боязно так пошевелив пальцами, проверив целы ли? Вождь медвежий обернулся почувствовав, как его за рубаху дергает бусинка.

– Чего кроха? – кряжистому Скавелу пришлось даже склониться в сторону чудного ребенка, восседающего разом на трёх подушках дабы руки были не ниже столешницы.

– Не ищи смерти! – пиликнула огромными глазами бусинка, жутко выпучив их подтверждением слов. – Никогда не вставай напротив горной осыпи, голодного звери и Алиры учуявшей звон монет! – грозно поведала кроха коей бывалым видом кивнул Руд вот уже в несчётный раз уважительно отклонявший предложение поплясать местной настырной от

хмеля красавицы.

– Неужто такая беда? – поднял бровь Скавел недоверием. И обмер на нутро, читая по глазам спутников смертный приговор. Уж кому как не им было знать поперёк себя шире взбалмошную мечницу, не упускавшей не единой оказии набить свою мошну!

– Так что привело вас к нам? В жизнь не поверю, что от Аннисбурга гнали эту выхухоль крылатую! – меж тем подался к Алире Елистр. – Ну как нашла отца? – тихим шёпотом осведомился он и вперед того, как разомкнулись её уста, узнал ответ по омертвевшим скорбью глазам.

– Нашла вождь и уже как две семьдницы Хорш от погребального костра миновал хладную реку тёмную да переступил порог предвечной кузни!

Древних богов вера не прельщала роскошью или бытием счастливым загробным! Горцы крепко верили, что любой почивший, перейдя на свой страх в брод мертвую черную реку, инистых берегов одних костей, в коей обитали беспокойные духи, тянущие на дно любого клятвопреступника, чьей хозяйкой была Мелитра сестра Сидраса, каждому представшая в разном обличье то девой нет прекрасней, то старухой в ветхом саване, истлевшей ужасно с личины. Спуститься подгорными тропами к освященному потоками лавы гону в земли корнях, предвечной кузне. А уж великан последний отложив единого кристалла молот нахмурит чело над слепыми глазами, трогая узор что вышел на клинке души гостя!

И коли творцу придётся по нраву разводы от славных дел и чести при жизни достойной! Кинет его в горн дабы душа переродилась в новом теле! Но может и в угол бросить на беду идти ржой за непотребства черные, обрекая на вечные муки скитаться навъей по оставленному миру живых!

Алира истово верила, что уже где-то в вольных землях радуется гуканьем какую мать крепкий мальчонка серых глаз, стальных! Иначе и быть не могло!

– А эта демонюка, что его прибрала, ныне по нашим вольным землям колобродит? – страхом истовым дышал вопрос вождя. Помнил он что увидал на узких улочках Аннисбурга! До последнего дня не забудет, как полчища чумной нежити отвратной с гнилых харь, сиречь драугров, да прочих страховидов безымянных ломились на стену щитов горцев! Адовым замыслом весь град мором пал и поднялся, отринув смерти удел! Не приведи боги такой хвори посреди клыков рока грянуть!

– Да. – свело лютой ненавистью лицо широкое ражей. – Ништар греха владычица что-то ищет здесь на дальнем севере, истово ищет! Вот мы и пытаемся расплести тьмы клубок её замыслов, попутно слуг из преисподни вызванных, сталью черной венчая!

– Ну коли какая помощь потребна, мой клан подсобит! А нужно будет и хирд соберём! – коснулся осторожного камня под рубахой Елистр, добавляя весу своим словам в глазах богов.

– Пошли говорю куда не поколотила! – голос красавицы рыси правнучки, светлых волос, расчёсанных на две косы, еще добравшей решительности мёдом, кулаком грохнувшей о стол, привлек внимание Алиры и вождя на равне смеху Скавела хлопнувшего обескураженного барона по плечу! Руд же в свою очередь глянул мольбой на Алиру, но крижистая мечница только пожала здоровенными плечами! Уж шибко у девы, тянущей в пляску барона, был лихой блеск в очах, а уж шрам на левой щеке под голубым глазом, да и стать под платьем воинская осанистая не заставляла усомниться: «И впрямь поколотит!»

Поначалу нескладно неуверенно влился в толчею прочих плясунов Руд, а после нескольких рогов разошёлся закрутился, отмокая душой сим продыхом.

– Та адова тварь, что чуть вам крыши не по сносила. – вновь вернулась к важному разговору дочь клана, намеренно реже прикладываясь к кубку. – Летела как мы поняли к курганам Изгиррульва!

– Чего ей там понадобилось? – вздрогнул Елистр, померк пред его взором пылающий очагом зал чертога, раздаваемый музыкой и песней лихой, поддававшей прыти плясунам. Сменился картиной как с погребального священного для горцев плато, темной ночной порой беззвёздной, укрывшей непроглядным саваном окоёму в окружении пиков Клыков рока, от преисподних владык навета выберутся из своих древних курганов драугры в броне ветхой от ржи, порабо-

щённые мраком короли древних времён, и поведёт их черная длань, последний правитель Изгиррульв, горя жаждой крови глазами из-под рогатого шелома короны!

— Вот мы и хотим вызнать! — вместо Алиры ответил Медвежий рёв.

Подозвав какого ближника жестом руки Елистр, шепнул чего вою на ухо и тот покинул зал чертога. — Послал за богов вещуном, только по завету и дозволению богов можно посетить курганы те темные! — коснулся невзначай он камня осторожного, не зря видать про то место дурная молва идет, ведь кому как не рысям на пороге усыпальниц живущим было про то ведомо.

Ражая в ожидании жреца или вёльвы, невместно кто с богами у рысей бает, приложилась к своему кубку воздавая должное местным медоварам. Скавел что-то о торговле на летнюю пору меж кланов начал втолковывать Елистру. Бусинка все кидала с тарелки мясо, идущее паром, своим «щенятам», на взор дочери клана все самое лучшее взявших от матери, храброй собаки что, положив жизнь, вцепилась в ногу вертлявому как змея главарю убийцев, выиграв время Алире посреди узкого проулка Аннисбурга.

Зал, полнившийся гонящими тени отсветами ярящегося очага, заставляющего забыть про суровую зиму снаружи, продолжал греметь музыкой, чарующей в своей первобытной манере, тонких рожков и глухих барабанов сплетения, кому и вовсе сослужившей колыбельной, несколько особо

выдающихся гуляк уже ткнулись моськами в мисоньки, но ничего то не беда, часок и сызнава продолжают бражничать! Все также, но уже боле не скованно выплясывал Руд, не расцепляя рук с настырной девой!

Вот только Алире в корне не понравился взор одного из местных, случайно выхваченный из толпы радостного люда, много крепче прочих война наголо бритой головы и козьей бородки длинной косички! Не хорошо смотрел лесной кот на барона ой нехорошо, играя жвалами на посеченном лице, то и дело лежа руки на оголовки топоров, тяжеливших пояс.

«Кабы до беды не дошло!» – сжала пудовые кулаки ражая, хоть и сама не устававшая раздувать щеки своим воинским мастерством да гонором вперёд её из материнкой утробы проклюнувшимся, но помнящая, чутко бдящая черту дозволенного вежеством от предков заведённым, супротив таких сорвиголов все пытающихся себя показать от непомерной гордости и пустой как чаше выходило спеси! И под медом дурманящим, позабывшим про главное вежество от мудрости щуров и богов пришедшее, нерушимое: «Гостя не смей чем обидеть!»

Вождь на то он и вождь дабы за всем бдеть, везде поспевать! Остёр глаз оказался у Елистра что, приметив наравне ражей как целенаправленно двинул его человек к гостю!

– Ульд! Ко мне подойди! – ни следа не осталось от приветливого доброго хозяина. Рядом с Алирой и Скавелом сидел суровый предводитель клана чей лоб пошёл складками,

а очи морозили прищуром.

– Горе от богов пришедшее! Сколь раз хотел вразумить обухом меж бровей да думал охолониться дурная кровь! – услышала его ворчливый шёпот Алира, еще на раз оглядев по всему местного смутьяна, куда уж без него. Шаг его был плавлен и тверд, обнажённое тело, располосованное воинскими метинами – шрамами в пляске очага лоснилось мышцами, а взор смотрел на вождя вызовом!

– Думно мне ты уже своего выпил! Иди на покой Ульд! – без прелюдий бросил Елистр.

– Это ещё отчего вождь? – отозвался кривой улыбкой почитай оскалом наречённый Ульдом.

– Да от того, что дурные мысли чаще ползут в дурные головы! – поднялся с кресла уперев руки о стол вождь, рядом возникли будто из неоткуда его ближники-Хольды лучшие среди первых рубаки в клане. Отличные даже тем, что руки были супротив кожи дублённой укрыты сталью наручей до локтя, а топоры посеребрены на оголовки! Хольды любого вождя горцев крепкая опора!

Смолк зал на музыку и хохот, все взоры обратились к головному столу, в воздухе повисло тягучее молчание, преддверие нарождающейся беды!

– Дурны мысли? И ты это мне говоришь Елистр? Ты, что гостями нарёк этих! – кивнул презрением на Алирину клику Ульд.

– Образумься покуда не п... – рывкнул вождь, но воя уже

понесло, чужой рот не зашьёшь вот так в одночасье!

– Скверны проклятуций росток! – кивнул смутьян на бу-синку, совсем скукожившуюся на своём креслице понури-вав голову.

Алира вскочила, опрокинув тарелки и кубки, полнясь яростью за обиженного ребёнка, вот теперь право было за ней, никто и слова не скажет, когда порубит хрякам в про-корм!

– А ты дочь предателя адовым силам душу заложившего проклятого во веки веков! – услышав такое непотребство в сторону вождя соседнего клана, выбелился с лица Елистр не веря своим ушам, все грани преступил Ульд. – Не ерепень-ся, чего с чужбины воротилась? Не жилось под чужим богом в каменном дворце монашек дурных! – все также отвраще-нием кривился воин покуда Алиру всамделишнее затрясло, а глаза от услышанного начало заливать багрянцем берсерка естеством. – Видел я как ты слёзы лила над потаскухой цер-ковницей, хвала богам сгоревшей их милостью!

Лицо Мириам вновь предстало пред Алирой, слышались хоть и не частые, но полные мудрости слова великой женщи-ны, вечно мертвенно-спокойной и холодной как казалось на чувства! Именно образ Жрицы-судительницы помог ражей обуздать себя, найти в себе сил не сорваться в ругань или другую дрязгу чего так страстно желал Ульд!

«Э нет, этот бой пойдет по её правилам!»

– Тебе-ли безродное отродье пачкать имя Жрицы-суди-

тельницы Мириам! Знай своё место слабозадый щенок под мужами лежащий! – плюнула она отвращением в морду пакостную, аккуратно в лоб!

Не выдержав оскорбления, нет страшнее для горца, хватив топор с левого бедра Ульд, занеся сталь ринулся на могучую деву да только Скавел оказался быстрее. Медвежий рёв молниеносной ухваткой прям из-за стола хватив занесённую руку смутьяна левой, а правую заведя за бок перекинул вой-на через себя кубарем отправив к клетям хозяйским.

Одной спиной толкнувшись об половицы вскочил Ульд на ноги, но хольды тоже времени не теряли, сноровисто подско-чив заломили ему руки, вопросительно глядя на красного с лица от тако позора вождя.

– Я бы, и сама управилась! – благодарностью кивнув Ска-велу, Алира прихрамывая вышла из-за стола. – Ну Елистр, где у вас суд богов решают, освободи моего противника на Хольмганге! Скажут ещё потом, что допрежь битвы был тво-ими воями помят!

«Вот и вышло празднество кровью!» – горечью свесил го-лову вождь лесных котов, но поделатъ ничего не мог! И сам бы порубил окаянного, осрамившего разом весь клан, вот только гостя за него дело справлять взялась, бросив вызов чести смертным боем! Как теперь на тинге, вождей сходе бу-дет прочим владыками Клыков рока в глаза смотреть!

Темная ночь беззвездная непроглядной властью, объяв-

шая деревеньку, осветилась множеством факелов аккурат за священным древом, служившим своими раскидистыми ветвями кровлей капищу. Быстро коты высвободили землю от снега плена, наскоро расчистив лопатами круг шагов пятнадцати в поперечнике. Огородив как изгородью кольцом воткнутых факелов. Плотной толчеей навалились рыси на тот круг, будто ворожбы барьером ограждённый огня пляской, во все глаза разглядывая супротивников, своего воя, что, чего таить поперёк глотки костью вставшего почитай каждому соседу! И гости, оскорблённой на два раза превосходящей могучим складом далеко не махонького Ульда.

Вот только шёпоты да пересуды, полнившие столпотворение разнились настроениями! Кто, чаще из воев и воительниц, участвовавших в зимнем походе за Клыки рока, был сердцем за Алиру, как-никак воочию видывали какого врага, она опрокинула в обители монашек, гиганта того с молотом, всего в шипах панциря в несколько слоёв стали, и пять таких Ульдов рядом не валялось! Другие из местных радели больше за своего, зная горазд рубиться дурна голова ой как горазд, коли не норов поперечный уже давно бы в хольдах ходил!

Хольмганг или богов суд поединком, был священен и потому войнам предложили одеть брони да выдали по три круглых обожжённых в прочность доской щита, все честь по чести, как никак сами боги чьи идола рядом обретались будут бдеть сегодня за этим поединком, задетой честью обрекая

кого-то на смерть! Ульв только скривился виду наручей да ламелярной чешуе кирасе. Алира в свою очередь тоже осталась в рубаше побрезговав равно щитам кованной защитой рук, принесённой бароном. Единственное что ей потребно было так золотых писем по долу черной стали любимец, поданный Скавелом.

«Молода!» – ражая не могла не заметить юность вельвы за вещуна богов в клане рыси служащей, едва они с Ульдом поднесли оружие к головне в руках жрицы, белого меха шкур одеяния бессчётных оберегов, с узким выкрашенном на левую сторону вайдой лицом. Равно всем вельвам безумных глаз.

Огня язык, глодающий головню принесённый от самого капища, лизнул топоры и лезвие двуручника, не устранившись да не потухнув, подтвердив, как повелось по обычаю нету заговоров или злых чар! И если простые и добройковки топоры малые черной стали в руках строптивца были привычны глазу местных, то двуручное чудище золотых хитрых рун по долу, уже часто помянутое скальдами вызвало невольные ахи и ребятни восторги.

Вождь черный с лица ни слова не вымолвил кого напутствуя, не потешный чес кулаками гибель носов и зубов зачинался! А насмерть сражение! Просто подошёл в центр круга да махнул рукой давая раздолье кровавой сечи!

Мельком глянув за спину, дочь клана лихо подмигнула бусинке коию на плечи взял Руд, девочка вся испереживалась

судя по личику. А затем выкинув все лишнее из головы Алира, подняла перед собой клинок, твердой чуть шаркающей от покалеченной ноги поступью идя на врага, других в этом круге быть не могло!

Ульд жонглёром играясь топорами, что, порхая в несколько оборотов перекидками меняли руки, двинул чуть согнув ноги ей навстречу. Первым, как и ожидалось звон стали спустил кот, лихим скачком сократив расстояние да парой рубящих ударов, обласкав клинок двуручного меча, перехваченного хозяйкой, широко, почитай за конец лезвия левой, а правой за рукоять. Алира не вздрогнув приняла топоры на середину лезвия чуть меняя угол, не давая стали прорубиться дальше. И вдарила в просвете молниеносных росчерков, сверху-вниз справа-налево когтистой гардой, правым плечом подавшись вперёд. Ульд подался ловко назад, но меч ражей уже пошёл в обратку с левого бедра вверх кончиком шипастым шурша по морозному воздуху заставив отпрянуть еще на шаг. А после громадина и вовсе обернулась вокруг себя выбросив перехватом клинок на всю длину в горизонте. Ульд невместной прытью ну тот убивец в переулке, мелькнул над мечем ровно прародитель кошачьей масти, виртуозно перекинувшись через себя, под изумлённый возглас зрителей.

«Ловок!» – хмыкнула себе Алира покачав челом рыжих кос. Сызнова беря любимца черной стали почитай во весь размах рук сходясь с врагом, в этот раз действующим куда

настороженнее и оттого гораздо опаснее. Раз от раза сходились два разных на стили ратного дела врага, незнамо чего меж собой не поделившие! И каждый раз вперёд возгласов дивных болельщиков, ночную тишь резал пронзительный звон стали далеко летящий окрест, будоражащий уже забывшийся сном скот по хлевам.

Ульд был не просто справным топорником, а большим мастером никто того не оспаривал, тем паче тяжело пускавшая ртом пар рая, коей казалось, что руки врага, размывшегося скоростью, живут невместно плечам. Лесным заигравшимся котом скакал из стороны в сторону, жалил змеей коварными выпадами, незримо мелькали топоры то и дело срываясь каскадом выверенных росчерков. Но и Алира тоже богов волей не нашла себе праздных путей, нерушимо аки скала принимала хитрую вязь рубящих на удерживаемый пред собой широко схваченный меч. А то и сама срывалась, то скупыми на размах, но грозными ударами гардой и кончиком, рождёнными от движения плечей, то в жутких по своей силе взмахах на всю длину двуручника перехватом обретающего свободу, как пса шелудивого гоняя Ульда по кругу.

Это для наблюдателя схватка мгновеньем проноситься пред очами, вои ошеломительной скоростью потчуют друг друга выпадами да наскоками, коварными финтами и ухватками воинскими норовя пробить брешь в обороне, выпустить глубокой раной на волю сок жизни. Но для тех, кто супротив себя видит это ненавидящий взор вражьих глаз, су-

лящих только сметь, оно это противоборство чуть не вспять оборачивает времени поток, растягиваясь в вечность на пределе сосредоточенности и внимания! А супротивники были хороши, что Ульд много врагов положивший своей сноровкой ратиться на первый взгляд безудержно, перелаывая врагов диким прытким натиском, что двужилъная Алира по праву, считавшаяся мастерицей пляски длинного клинка! Раз от раза не в силах взять верх, под трепет сердец целого клана, сшибались сегодняшней ночью, стремительно-неуловимая удаль с нерушимой мощью необоримой.

Кувыркком проскочив под двуручником в левый бок против горизонтального выпада, Ульд при подъёме на обороте рубанул наискось от себя правым топором, на поводу обрушив левый.

«И как умудряется чертова баба!» – грянула мысль совпав со звоном преградившего, алчущей плоти и крови стали дорогу, клинка, опять удерживаемого на разведённых руках могучей девой.

Левым сверху, правым с оттягом коварно низко в ноги, почти достав ляху хрому, но Ражая, негаданно подскочив вперёд, толкнула война своим мастодонтом от себя плашмя, а следом едва ступни кинулись мерзлой землицы обернувшись вокруг своей оси выписав чёрной смертью неподъёмной ошеломительную восьмерку грянула из-за головы рубящим. И лежать бы Ульду здесь двумя половинами раздавшись, коли не его изворотливость кошачья от рождения при-

шедшая, успел последним мигом как ему казалось вильнуть в право. Вот только использовав свой вгрызшийся в землю меч аки шест в прыжке оперевшись об рукоять кряжистая дочь клана всадила обе ступни ему в грудь, выбив вздох, кубарем отправив в толпу зевак за оцепление горящих факелов.

Вождь рысей Естар да медвежий предводитель Скавел неуверенно переглянулись, стоя недалече! Оба омертвевшими выжженными очами повидавшими не счесть сколько битв, заметили на своё удивление безмерное, не Ульд прытью головокружительной сумел избежать смертушки, сама Алира последним мигом стороной повела удар! Невместно только от какой оказии?

А оказия была, в горячке боя среди обступивших заветный круг, перекошенных ликом кланников, где восторгом юности, где жаждой зрелища зрелости, промелькнуло одно лицо, клеймом будто застывшее взор, истовой тревогой и скорбью глядящее на противника дочери клана ястреба! Лик старушки, выдубленный зимами долгими на морщины, залёгший под платком покрывшим седые волосы невероятным горем!

«Мать не иначе» – подумалось Алире и что-то внутри в глубине её естества оборвав жажду крови, надкололось жалостью к матери какого никого, но дитя родного сердцу! Не позволило разбить старого сердца видом расправы над сыном!

Многого не знала ражая, отчего столь противен и горяч на нрав скверный, вышел Ульд, столь жестокий ко всем окружающим даже своим людям одного клана! Откуда было знать, что домик их махонький почитай лачуга супротив прочих, аккурат на двоих под самым частоколом на околице-отшибе обретался! Откуда проведать могла, что матушка его одна, от коей даже род отвернулся, пересилив все невзгоды воспитала сына, чьего отца обвинив в краже изгнали из клана! Не было ведомо про то, как с детства его чуть не ежечасно поносили за отцовы грехи, как издевались на слабеньким погодкой сверстники от родительских злых от дурных голов увещаний, долго измывались покуда крепня как телом, так и злобой от множества зим кровавым потом на ристалище пущенным, не обратился он в страшного своей удалью воя безжалостного, дурного на нрав, за единый косой взор готовый порвать любого обидчика. Не-было знакомо сердцу Ульда любви окромя к своей старенькой матери с каждого похода или добычи, одариваемой сверх всякой меры, во всех видел если и не врагов, то противников! А как иначе, не помог ему в трудные часы клан, должный как с Алирой было, всем миром воспитать заботой почитай сироту! Они отвернулись, а он теперь и смотреть на них не хотел!

Про то она проводит после, а сейчас едва сутолока выдворила обратно в круг топорника, ходом метнувшего правый топор, на силу, пойманный на лезвие ражей, он, перекинув левую снасть в правую опустевшую длань, ринулся очер-

тя голову на неё. Опять град выверенных ударов, что мастерски блокировала Алира и вот в обороне несокрушимой мечницы появилась брешь, что заметил уже плывущий бешенством Ульд. Шибко высоко держала она свой неподъемный меч сберегая больше голову да грудь!

Топор, лишившийся себе пары, одиноко саданул звонко крест-накрест по подставленному горизонтально клинку и лестной кот обернувшись боком чуть согнувшись очертив лезвием стремительный круг, ударил восходящим снизу, аккуратно под двуручник, все также несломимым претором затворявший путь, широко схваченный дочерью клана на чуть согнутые руки. Вот-вот должен был топор вонзиться в брюхо, Ульд уже почти слышал вожденный вскрик полный боли, но противница перетекающее плавно вильнув влево, только усмехнулась на высланный веснушками грубый лик, да вдарила, распрямив руку, наискось с левого плеча кончиком лезвия в висок. Не-было там бреши, только силок охотничий, намерено выставленный мечницей!

Толпа кланников обратилась мертвой тишью, средь коей всхлипнула одинокая старушка, все видели шипы на кончике двуручника гостыи, на раз голову пронзят!

Но нет, Ульд хоть и кропя снег кровушкой посеченной головы от плашмя прилетевшей стали, нетвердо подняв свой топор смазал выпадом по так близко стоящей противнице, а второго и вовсе не довелось! Перекинув клинок ему за голову ражая, потянула на себя обеими дланями, вдарив с хо-

рошим таким хрустом со лба аккурат в нос. Пал свирепый как на духу воин подломились ноги, к чести, попытался подняться да все одно завалился плывущей головой обратно на бок!

Весь мир окружающий замер молчанием даже как казалось скот перестал голосить только трещали надуваемые ветерком факелы, в ожидании последнего удара по поверженному врагу.

— Э не, я вам не дурна с головы, дабы такого война у клана отнять! — уперла в ноги клинок Алира нагло брезгуя обычаем битвы насмерть, тяжело переводя дыхание, отерев взмокшее солёным потом лицо. — Чуть не посёк окаянный, ещё бы разуму хоть в пол прыти и вообще первый жених на деревне! Ну на то они и боги чтобы коли одной сыплют то другой гребут без меры!

Недоумение, царившее по суетолоке кланников развеялось чьим-то сдавленным смешком, вскоре переросшим лавиной в хохот! Вот теперь от щедрот её души празднество по гостей случаю не попятнанное кровью грянет в новую силу!

Хватив широкоплечую воительницу на руки, котов радостная толпа, славя в голос её воинскую статью, вильнув потоком стороной ясень священный внесла Алиру в зал!

Часом позже уж пред рассветом, должным золотистым оком воспарив над снежными кряжами клыков рока, развеяв власть мрака, когда гульбище разрослось сверх всякой меры,

супротив показавших дно, прикаченными с медоварни бочками, Алира выпросив у Естара, где живёт Ульд, покинет вместе с бусинкой неприметно чертог, прихватив малый бочонок ковшей на пять, про себя приметив, что не видать их благородного спутника барона, как и той нахрапистой плясуны, ну боги им в помощь, вернее ему!

В свете факела с трудом петляя вереницами тропок меж высоких сугробов, найдет она на околице в тени частокола-городьбы ту полуземлянку невеликого хозяйства, обнесенного плетнём, частью врытого в землю сруба покатою ложащейся на землю стропилами крыши, да постучит в деверь!

– Кто? – раздалось старческим женским гласом.

– Отворяй мать с сыном твоим поговорить хочу! – как можно миролюбивей отозвалась Алира и едва скрипнув за пором дверь отворилась, вошла в дом на пару ступеней спустившись до зашитого доскою, тесанной пола, уж точно убранством не по тому войну с коим давеча насмерть секлась. Небольшое помещение рубленых стен, проконопаченных мхом, с обложенным камнем очажком посреди, в углу новенькая ладная прялка с наполовину сотканным холстом, стол, пара стульев, сундук и занавесь вместо стены переруба!

Старушка глядела тревогой на осилившую сына воительницу, хотя какая там старушка негаданно поняла Ражая и пятидесяти зим не разменяла! Уж больно горести да тягости раньше срока состарили лицо, и не могли вернуть утраченное даже дорогие бусы жемчуга да серьги!

– К сыну твоему есть разговор! – положив на стол бочонок, поднесла кряжистая дева ладони к пламени очага в знак добрых намерений ей следом повторила обычай и бусинка.

– И какой разговор? – пошатываясь вышел, отодвинув занавесь Ульд, бледный с лица кровью скрасивший бороду, тряпицу всю багряную прижимая к голове.

– Ну для начала хочу, чтоб слова свои взял назад про отца моего! Знаю, что всякого говорят, но не был он предателем! – откупорила бочонок дева. – Пред моей маленькой подругой повинись и вместе порешим как быть с твоим долгом, как-никак жизнью мне обязан! – присела она на стул. – Ну тащите чаши для гостыи!

Несколько мгновений матушка вопросительно глядела на сына покуда тот не кивнул, а после быстро собрала на стол чем боги послали.

Рассвет как всегда запоздавший пению петухов, застал их разговором уже сдобренным медом! Услыхав всю без утаек историю Хорша отца Алиреного, Ульд, и впрямь повинился от сердца, ещё-бы, знал на какие жертвы пошла его собственная матушка, спящая за занавесью на махонькой кровати рядом с сыновым ложем, всё для него сделавшая, за хулу такую от горячки брошенную во всеуслышанье, готов сам себе был язык вырвать! Нет, ему бы духу не хватило пощадить того, кто бы так оскорбил его мать! На то воля нужна сверх всякой меры!

Иначе смотрел и на тронутую скверной девоньку шибко

страшной улыбки чудных ручек, как вышло лекарку. Ровнёшенько вправившую ему нос, да смазав рассеченную голову мазюкай какой вонючей выуженной из явно великоватой для ней сумки на ремешке через безрукавку, быстро наложившей швы.

– Так от чего с кланом своим не в ладах, ведь никто окромя матери не пожалел тебя Ульд? – в свой черед спросила Алира приметив как прокисшим сбитнем скривился мастер топорник.

Вот теперь пришёл черед отповеди правнука лестной рыси, благо мед добрый терпкий на вкус можжевеловой ягоды хорошо развязывал язык. А Алира чего, вызнав всю нелёгкую судьбинушку воя, просто сплюнула будто разом на весь клан рыси, упавшей в её глазах ниже некуда!

– Вот нет, ни тебе не матушке твой здесь жизни достойной, отчего в другой клан не подался? Таки войны нужны с радостью бы приняли даже у нас в ястребах!

– Нет! – покачал головой воин твёрдо. – Хочу так жизнь прожить чтобы все, кто на меня с высока глядел да поносил, бородами задавились от зависти и страха! – и снова предражей оказался тот виденный на божьем суде лютый враг, по серым глазам, леденящий нутро решимостью и ненавистью, крепки по всему были воспоминания о счастливом детстве да заботе клана.

– Ну коли так, то есть у меня к тебе дело! Долго не забудут твоего имени опосля в клане! Ты ведь ни смерти, ни сечи не

страшишься? – явно чуть издевкой подняла бровь вопросом рыжая воительница, поддевая собеседника.

– Нет! – усмехнулся Ульд, ныне как на редкую для него подругу, глядя на еще прошлом закате чужую деву себя поперек силищей шире.

– А как с силами нечистыми, драуграми, демонами и прочей от нави и миров бездны пришедшей мерзопакости! Портков не замараешь? – Ульд ответом только вызовом вздернул подбородок колыхнув косичку козьей бородки, как никак рубился он в Аннисбурге в первых рядах, а череп адовой гончей ныне над ложем висит ошестинившийся клыками что боевой нож!

Не привыкшая верить на слово, дочь клана знающая сколь скоры на бахвальство равно трепетной суеверности горцы, просто молвила. – Элиот! – и посреди неказистого крова возник, соткавшись туманным бесплотным естеством её друг священник-призрак. Ульд отдать ему должное не шелохнулся, только ощутило напрягся присутствию нематериального гостя.

– Добро! – оскалилась она. – Как тебе задумка в курганы Изгиррульва наведаться? Неупокойных черной волшбой, проклятых королей древности за бороды замшелые потрепать?

Уж тут воин чутка подавился, на всякие бесчинства он был горазд, но до таких «светлых» мыслей даже его дурна голова не додумывалась! Разом пронеслись в его голове бес-

счётные небылицы что ходили от скальда к скальду про то тёмное место! Да чего там кликуш наветы сам не единожды видел, как по плато блуждали мертвенно-голубые огни среди ночей темных! Почти воочию явились пред ним сейчас древние короли в истлевших проржавелых бронях и шеломах рогатых на манер корон, сидящих в огромных темных залах на тронах, под неподъёмного камня толстой кладью, за множество веков, обратившихся холмами с рунными стоячими камнями. Скалились костяными личинами редких седых волос по истлевшим бородам, горели злым голодным огнём по пустым глазницам посреди, несметных богатств в окружение преданных хольдов, наравне владыкам уж давно должным распасться тленом, да не давала сила проклятья!

«А что, какой венец владыки на его головушке чудно смотреться будет, а мать и вовсе вся в каменьях и злате ходить будет! Много в тех курганах добра прикопано с былыми королями, хоть свою деревеньку строй!»

– Только не говори мне, что неуместно нам те могильники богатые попутно сбавить на добычу! – прищурил он очи вопросом.

Звук задних ветров, насмешливо изданный устами Алиры, перерос обираясь силы тихим таким пакостным смехом.

И только бусинка сокрушённо покачала головушкой, глядя с одного бесшабашного и ретивого сорвиголову дикаря на другую, тоже далеко не праведную всегда гораздую лезть на рожон, сошедшихся по всем раскладами к страшной бе-

де, своей корыстью и жаждой богатств! Одна надежда была у тронутой следом скверны девочки, так это на разумение Скавела!

Ингрид нещадно трясло и не помогали отвары слишком сильным вышло видение! Ниспосланное богами!

Вельва рысьего клана, едва негаданным исходом завершился бой, вернулась в свое обиталище, дверью землянки ведущей под корни святого Ясеня, что служили кровом небольшой земляной пещерки – лисьей норе завешенной травами пахучими и заставленной полочками да сундуками с невиданным числом кореньев всяких, грибов, камешков, костей и прочих жуть как потребных вельве ингредиентов для знахарского ремесла али в обрядах для прохождения заветы меж мирами и призыва теней духов предков.

Вызав куда собрались наведаться гости клана, она решила испросить совета в ином мире, кабы до беды не дошло! И потому заварив крепкий дурмящий отвар погрузилась в бдение!

Тягостно было вернуться духом из нави обители, представавшей каждый раз страшным местом изнанкой существующего мира, объятой клубящимися туманами вотчиной руин, размытых очертаниями костяков строений, что некогда были возведены руками людскими или ещё будут, равно снегам присыпанным пеплом все ниспадающим с выгоревших небес. Темные злые ветра властвовали там безраздель-

но, а из-под каждого остова, рухнувшего обломками дома, из сплетения корней мертвых лесов искривленных мукой ветвей, мраком ткались тени сущности.

Вот только в этот раз проводницей по тропам духов ей сослужил не облик наставницы, давно уж почившей, а фигура в неподъёмного вида кованых доспехах, шипастых наплечников. Брони её сверкали злата оковкой, равно лучам позади чудного шеломы черепа-забрала! И, быть может, в другой раз воспротивилась бы Ингрид идти за неведомым провожатым по устланном пеплом развалинам ветхим, вот только хорошо, хоть из чужих слов знала кто её поведет! Эту женщину не скоро забудут, даже за чертой Клыков рока оваянную неувядающе славой!

Поначалу вельва Ингрид и вовсе распласталась полуобмором, но чувства, как и окружающий мир постепенно вернули свою остроту и формы. Большущий чан бурлил хитрым варевом на треноге над очагом, значит беспмятство не продлилось долго! Никогда прежде она не заходила так далеко, почитай безвозвратно! Но главное вызнала! Ковкой самого Сидраса гости обречены подняться на то плато, полнящееся проклятыми могильниками! Ведь не зря адов воин поспешал туда по велению свой госпожи, что-то темное зарождалось от мук вечного проклятья средь усыпальниц! И сему ростку нельзя позволить окрепнуть от адовой скверны!

Но ничего время терпит, улыбнулась чуть безумно Ингрид, прикидывая какой скарб лучше в дорогу взять! На се-

годня опосля пира навряд ли гости, сломленные немочью, двинут в дорогу. Страшное препятствие им застит путь, рожденное из самого необоримого врага рода людского — хмеля коварного! Тут и провидицей быть не надобно, не осият хворые бражники дорогу!

1 Глава.

Курганы Изгиррульва.

Стоял поистине погожий день, зимнее солнце не иначе все ближе заворачивая к весне, должной вскорости пробудить мир от затянувшейся спячки, припекало играясь лучами, слепя очи мириадами переливов по шапкам снегов, сокрывшим охряные и зелёные наросты мха, залегшим меж серой морщинистой скальной плотью. Не было дурной на норов стужи выюжной, пригнанной бездонными коридорами ущелий, что под заупокойные стенания забиралась в любую прореху одежды! Не трещал лютый мороз, леденивший тело в самые кости! Просто невероятной синевы безоблачный небесный чертог и жёлто-золотое око богов своим могуществом заставлявшее снега пускать слезы.

Скоро совсем уж скоро, освободятся от лишнего снега лавинами и оползнями кряжи и хребты Клыков рока, зажурчат по камням и порогам по глубоким ущельям меж скал, быстрые речушки освободившись от ледового узилища. Отары овец и баранов вдосталь наевшись соломы и сена, выйдут на пастбища. Хвойные пуши по долинам, прореженные красавицами берёзами, тоже вздохнут волей, изначально мягким

словно перины мхом, а после зачернев черникой да заалев брусникой.

Но до того мига покамест ещё не дошло, но право солнца ласки уже заставляли скидывать плащи меховые да тянуть ворота!

– Ну светленький осталось немножко совсем чуть-чуть! Ровно три раза по столько же сколько уже прошли! – сверкая безумным счастьем заверила барона вёльва, можно сказать приободрила присев рядышком переливисто ну звонница колокольни тренькнув бессчётными амулетами, развешенными по белым мехам одеяния.

Руд сложив щит, булаву и дорожный крепко скроенный мешок, сидящий на широкой вытесанной в плоти горы ступени, обреченным горем поднял взор вверх, на нескончаемую череду рукотворного подъёма, что бежал ломко по склону виляя меж надломанных бивней скал, да стоячих рунических камней, щерблённых узорами и древними письменами, чередовавшимися с чудными истуканами футов десяти высотой, по всему звериных, чьи черты смазала веками надругательств непогодица.

Супротив барону коему казалось, что его ноги, заслугой ступеней высотой в колено, отмерли окончательно, его спутники Алира, Скавел и Ульд тщательно прячущие ухмылки, даже не взопрели просто скинули меховые плащи чуть покрасневшись подъёмом.

– Даже во Бусинка и та крепче на подъём иноземец! – чуть поддел его гордость Ульд, без злой насмешки, так шуточно будоража гордость. Как не странно, топорник, тот озлобленный и своенравный, что встретился им в клане рыси, покинув становище клана, обернулся хоть и молчаливым, но приятным спутником легко вписавшимся в и без того странную разношёрстную клику, на непритязательный взор своим составом сильно походящую на свору блажных трубадуров. Коей до кучи приросла безумная по всем статьям вёльва.

– Ага, я уж заметил! – глянул на крохотную девочку Руд, отерев в очередной раз лоснящееся потом лицо.

А что бусинка, малышка искрясь своей дюже широкой, может быть для кого страшной улыбкой, но точно не для них, только пожала плечиками сидя на косых от мощи плечах Алиры, попутно переплетая той косы.

Варвары-кланики с ранних зим привычные к лазанью по крутым склонам, уступали в этом умении разве что любимцам своим баранам, упертым насмерть на ровне хозяевам. А вот барон, что теперь мало походил на тот раздавшийся во все стороны пузырик встретившийся Алире чуть боле полу-года назад, топивший скорбь от потери первенца и супруги в вине, хоть и обернулся в прежнего статного война, но не был привычен к таким вот восхождениям.

– Ну спаситель даруй мне сил! – с абсолютно несчастным лицом поднялся, переведя дух барон, полным решимости взором глядя на то, как окаянная лестница заворачивает за

очередной гребень скалы пред коей опять-таки высился рунный камень.

– Это не беда, коли живы воротимся то нужно будет на Лыдистое копьё за очищением идти! – все также глазами сверкая отрешёнными сумасшедшими от какого неведомого счастья, заявила ему Ингрид указав пальцем за спину.

Руд обернулся и его окованный каплевидный щит брякнул на каменную ступень, видом самой высокой вершины стыдящей своей громадой прочие кряжи Клыков рока, в беспечной небесной юдоли венчаемой короной трёх зубцов в ледовой голубой кайме.

– Восемь тысяч священных ступеней! – наигранно-благочестиво промолвила Алира, и тут-же видом разом помертвевшего Руда, не сдержавшись грянула глухим диким хохотом коий поддерживали прочие. – Пошли!

Смех как попытка скрасить гнетущие неизвестностью мысли, пропитанные неискоренимым суеверным трепетом горцев, пред окутанными одна другой краше байками и легендами курганами Изгиррульва проклятыми могильниками, как лучшее лекарство помогал крепить дух! И всплеск гоготания повторился, едва они поднялись ещё на пол сотни ступеней, минуя каменистый клык скалы, опять же заслугой многострадального борона начавшего витиевато костерить их на чем свет держится, да в таких выражениях хоть перо бери да пиши в науку внукам.

Ведь вместо невыносимого подъёма ещё трёх раз по столь-

ко-же, обещанного чудной вѣльвой, сулящего ногам отсохнуть напрочь, взорам своры предстало наконец само плато! Огромная невместно как затесавшаяся на склоне равнина бугрящееся под плотными снегами двумя рядами холмов, словно широкой дорогой ведущих к высокой крипте чье рукотворное происхождение обличала камня кладь стены с вратами позеленелой бронзы, двух створ искусных на ровне барельефам узоров. Путь к курганам затворяли неведомо кем возведѣнные циклопические арки серого камня, чьи колонны как шпильями щетинились по верхам резанными драконьими головами, а сам невместно как выдюживший многовековой натиск непогоды свод, высился не менее полусотни футов. В сени последней аккурат под своеобразным порталом покоился огромный камень вытесанный безупречно на переднюю кромку с хитрой рунической вязью, сродни тем, что попадались на протяжении всего подъѣма.

– Ну а дальше что? – как-то неуверенно коснувшись ламинарной чешуи под коей покоился бережный камень, поинтересовался Скавел у Алиры оглядывая древний могильник, дремлющий в снежном плену.

– Идем в главный курган и коли наткнемся на каких драгров треплем за бороду, зауспокаиваем обратно в сон сладкий! Неча живым досаждать и с демонами якшаться! – ражая, ссадив бусинку с плеч и настрого повелев крохе держаться позади всех, потянула из-за спины двуручник возложив предусмотрительно поверх латного оплечья.

Именно дочь клана ястреба, первой двинула к древним аркам, своей отвагой с хрустом снежинок продавливая тропку меховыми сапогами, за ней как нестранно Ульд, дальше Руд, а уж потом всё озирающийся Скавел и вёльва.

– Ну чуешь чего? – как бы вскользь поинтересовалась у разряженного высотой воздуха ражая, а мигом позже рядом возник дух священника.

Хоть легкий ветерок, поднимающий почти незримые шельфы по тверди плато и не мог коснуться или даже развеять нематериальную призрачную плоть Элиота, дух поёжился.

– Чую Алира, но не скверну адову? – поморщил он худосочное лицо не иначе стараясь подобрать слова. – Нечто иное, древнюю неистовую злобу и муки, рожденные в страшном проклятье, воплотившиеся кошмаром! – Элиот как-то печально окинул два ряда холмов, что под паволокой снегов и камнем берегли останки минувших конунгов, а затем пригляделся, чуть сощутив очи к самому большому из курганов оголённой каменной стены, к коему вела, алея меж могильников. – Нет, тут что-то не сходиться, нечто, что ныне обитает там ненавидит демонов не меньше нашего, пропитано насквозь силой загробного царства некротическим могуществом.

От слов призрака легче не стало! И Алира, поддавая веса своему авторитету в глазах спутников, вздернув подбородок напускной бравадой, прибавила шага. «Страшит не

ужас, кроющийся в глубинах крипт, а неизвестность! Также как пленника хуже всяческих мук и истязаний ломают ожидания новой боли!» Но её порыв был оборван Ингрид. Вельвой, что замерла у рунического камня. Вслух прочитав хитрую вязь символов как вышло страшную печать.

– И покуда нерушимы горы, а небес свод, пронзённый Льдыстым копьём, пылает златым оком!

Покуда не пришла хладом вечная ночь нескончаемой лютотой зимы!

Покуда дремлют в плене земли корней, враги рода людского гиганты!

Силой богов их именами и кровью, дарованной каждым кланом, ныне запрещен тебе мир за чертою сего кургана, равно достойному посмертию!

Нерушимы незримые цепи твои отвергнутый, плачь своего рода!

Не разорвать тебе оковы, выкованные из пыли костей призраков и слез кровавых, пролитых по нерожденным младенцам!

Изгиррульв рок вольных племён, не знай от века покоя!
Познай же муки в проклятье низводимом!

Пусть корона предков жжёт твой череп пламенем неугасимым, а от меча с коего ни разу не убрал длани, каждым новым закатом прогнивает дух твой!

– Да! – почесал висок одним из шипов булавы Руд. – Это что-же надо было такого сотворить дабы тебя с таким поче-

том в иной мир спроваживали!

– Нет, не пресек он черту черной реки! Не спустился глубинными тропами к кузне Сидраса! Изгиррульв прикован чарами крови именно к своему кургану! – влезла Ингрид. – Три века его дух полнясь страданиями бродяжничает по криптам не в силах найти покоя, покинуть сию темницу!

– А про дела его черные и бездушные даже про всё гораздые баять скальды предпочитают помалкивать! – нахмурил чело огладив бороду Скавел.

Спутники выразительно переглянулись, по их взорам ясно читалось едино: «Ну пущай себе и дальше в катакомбах мотыляется!»

Но Алира чье нутро как на духу леденила не вдохновляющая перспектива свидеться с последним королём, коий явно пребывал не в духе, переборов секундную слабость, все-же шагнула дальше!

Пред зелёными очами, сызнова застилая красоты зимнего погребального плато, возникли лики, заледеневшего изнурённого отца бездыханного и обугленный в кости Мириам. Память коварно ввергла обратна на узкие залежные межахверковых домов мощённые улочки Аннисбурга, полнящиеся чумной нежитью и прочими мерзотидами! Нет, она во чтобы то ни стало распутает клубок, сплетённый Греха владычицей, и прижмет демоницу под который камень она бы не спряталась! Видела ражая что сотворилось её волей, как обратился скверной целый город! В своих землях того не

допустит боги свидетели, и потому упрямо шла к главному кургану, вызнать у проклятого конунга чего рогатой от него надобно.

С каждым шагом росла стена камня – лицевая сторона кургана, меж плотной кладки проросшая терновником и мхом. Высились двери, кованные с бронзы, полустёртых от порных символов и колец вместо рукоятей. Три ступени служили папертью крипте-узилищу, три ступени под оглушительный набат сердец и дочь клана оказалась под створами в два её роста обжигая длань хладным металлом ухватив опасно кольцо.

Тяжело, с жалостливым скрипом петель, поддался проход веками, не знавший отворения, пугнувшись от солнца ласки, бросившимся по сторонам теньями. Их взорам предстал пустынный округлый зал, устланный в высоту ладони пылью, с десятком мраморных постаментов – погребальных лож хольдов Изгиррульва. Древние брони – съеденная ржой чешуя ламелляров а где и пластины кованных нагрудников, покрывали истлевшие костяки в распавшихся прахом одеяниях. Звериные с потлевших шкур личины-накидки и шеломы с вычурными полумасками и кольчужными брамницами так и покоились на съеденных смертным сном и разложением лицах, запавших провалов глазниц ветхих бород. Длинных ногтей персты равно при жизни сжимали щедро крашенные серебром рукояти мечей и секир. Хольды конунга, его гвардия и по сей день преданно берегли здесь покой своего вождя!

На дальнем конце залы, зевом в непроглядную бездну зиял черным порталом проход, всем своим видом заставлявший сердца заходиться трепетом. Нет здесь не-было ловушек – хитрых нажимных пластин, пускавших спрятанные в кладке стен дротики, ни волчьих ям под обманными камнями полные длинных колов. Не боялись зодчие древних эпох, что возвели сей курган, расхитителей падких на сокровища, никто в здравом уме не сунулся бы в её проклятое место, овеянное зубодробительными легендами!

Наскоро защелкали кресала высекая искры под странный хохоток Ингрид, света прибавили чадающие факелы и вовсе сократив власть прожорливой тьмы, диковинными теневыми сущностями залегавшей по всем углам. Желтые смолянистые языки своей пляской позволили разглядеть дюже дорогие пояса хольдов, перстни на высушенных смертью пальцах и чистого серебра воинские витые браслеты. Медленно стараясь не потревожить покой усопших щуров, кабы не встали приветить гостей, отряд сжавшись меж собой, двинул дальше в проход, что обернулся длинной лестницей как казалось ведущей под корни земли в угодыя нечисти и злых духов в самую бездну!

С каждым шагом воздух не иначе твердел морозной сыростью и затхлым могильным привкусом, заставляя невольным страхом оборачиваться на спасительный солнца свет, оставленный позади.

– Это всамделишный лабиринт! – как-то совсем скукоженно обмолвился барон, оглядывая четыре равных низких коридора к коим привела лестница. Все единые даже на цепкий взор воинский, таже кладка, единые жаровни каждые десять шагов, тот-же скрашенный серебром изморози мох нашедшей в извести дорожки и ниши в стенах с лежащими в полостях воями с единой разницей от хольдов более худшим снаряжением, совсем поддавшимся тлену.

«Сколько здесь интересно всего таких вот дремлющих до поры стражей?» – негаданно задумалась Алира примеряясь к узким проходам, не позволявшим как должно случись беда размахнуться её двуручным клинком.

– Шесть сотен воев, Хирд конунга, что верно клятвам на крови самоотверженно решил не оставить своего властителя даже на смертном одре! – не иначе прочитав мысли ражей, вперёд вышла Ингрид-вёльва затворив очи. – Не тьмы страшиться сердце храбреца, а то, что кроиться за ней! – изрекла она и повелела, пакостно хихикнув тушить факелы.

Вот теперича в безумии их провожатой сгинули последние сомнения! Но богов вещунья уже загасила свой светец, а остальные куда им деваться, отерев разом взмокшие лбы последовали её примеру, вернув вязкому мраку доселе нерушимую власть.

Неприметно едва видимо, но всё сильнее разгораясь голубоватым потусторонним светом зашлись жаровни, высветив нави колдовским отражением левый коридор, что шагах в

пятидесяти терялся резким поворотом.

В этом свете не иначе брешью в мироздании, проникавшем из загробного кошмарного царства, даже дух Элиота стал более материален, а выгнившие обтянутые серой кожей черепа кланников в нишах, будто масками, наложенными поверх истлевших личин, обзавелись не иначе теми-же, что и при жизни ликами.

Волосы по загривкам чуть не встали дыбом, даже у новичка рыси лестной правнука, бритой головы. Чуть не отросли для сего важного дела!

– Я вас сверху подожду! Мала ещё для таких прогулок! – обмолвилась бусинка, быстренько юркнув по лестнице в надземный зал.

– Самой почитай три века! А всё мала! – с тоскою и завистью глянул вслед крохе Скавел.

– Сколько? – не иначе затхлостью поперхнулся Ульд, чуть не обронив топор, выживаемый из петельки на поясе.

Свора ражей только сейчас распахнув дивом очи приметила ладные оголовки серебра что, сменили старые, и когда умудрился обменяться с покойным хольдом?

«Ловок! В воровской гильдии какого бурга цены бы не было!» – качнул головой Руд углядев и перстни у кланника и даже обручи воинские по пять штук, нацепленные поверх дублённых наручей, прибранные с верхней залы, невиданную тугость обрёл и кошель на покамест обычном ремennom воинском поясе.

Повисла гнетущая тишина нерешительности, все, обособливо кланники пристально вглядывались в проход, мерцающий голубоватым сиянием жаровен. Ожидая неведомо чего! Суеверность пришла к ним с кровью на ровне гордости, чести и неукротимости в битвах, и её вот так на раз нельзя было обороть!

– Ну чего застыли на пороге? – замогильный глас скрежетом шлифовального камня по ржавому клинку, множась эхом разнёсся из недр подземелья кургана.

В воздухе сразу прибавилось иного смрада, сильно отдающего недавним пиром, никто из своры ражей не усомнился кому принадлежал этот глас. До них сирых снизошёл сам Изгиррульв, чей дух под гнётом проклятья бессчётные зимы обитает в этих древних криптах!

– Проходите в чертог и принесите клятву своему конунгу!

– Не конунг ты нам отродье! Опорочившее кровь своего рода! Осрамивший всех своих предков! – взвизгнула вельва.

– Нет, так с вождями речи не ведут! – покачал сокрушённо головой Элиот. Как в воду глядел!

– Быть по сему!

Алира выронив меч,хватила уши на ровне всем остальным, старясь хоть немного, но сбавить рвущий перепонки рёв древнего рога чье глухое неслышимое столетия пение разнеслось по туннелям.

На зов конунга, ну ровно встарь откликнулись его верные войны, с сухим скрежетом да лязганьем старинных доспе-

хов, стали, сбрасывая многовековое оцепенение подниматься драугры покидая свои ложи в нишах по стенам! Мертвяки, почитай напроць лишённые плоти скелеты, едва обтянутые сухой кожей, стряхивая пыль и паутину, не хорошо так буравили незваных гостей равно в жаровнях голубым пламенем в глубинах провалов глазниц, из-под полумасок шлемов и совсем обветшалых накидок со звериных морд шкур.

Первым разрывая крепнущие путы ужаса, очухался Ульд, бесстрашно рванув вперед в правое ответвление, озарённое путеводным свечением, чуть подпрыгнув да толкнувшись от стены сапогом. Грациозен был бросок кланника, еще в полете он на косую срубил топором правой руки шею драугру, попав аккуратно под кольчужное плетение брамницы. Щелкая зубьями гнилыми головака расставшись с шлемом явив седые пряди кос, полетела стороной а кланник обернувшись вокруг своей оси в воздухе, пред приземлением метнул левый топор в следующего. Древнее оружие, прорезав воздух парой оборотов разнесло голову следующего мертвяка в костную пыль, глубоко засев в шеломе аккуратно меж глазниц полумаски. Не тратя времени, видя пред собой негодующих предков, прибывающих в дурном настрое, полнящих оружно коридор, рыси внучек сызнава сиганул с двух ног грянув в щит запустив неупокоенного по обратному направлению, создав в проходе свалку.

Нежить, и не спалось ей, ползла сразу со всех четырёх коридоров, первый левый занял Руд выставив пред собой щит,

сотрясающийся от ласк старинных мечей и топоров. Барон действовал размеренно и твердо, рассаживая взмахами булавы из-за кромки, ветхие щиты драугров меля порошком старые кости.

В левый второй метнулся Скавел орудия бешеным темпом своими кованными когтями, обратившимися в неуловимый глазу каскад росчерков.

– Наверх Элиот, там бусинка! – ражая парой увесистых ударов латными перчатками отбросив неуспокоинных да подобрав оброненный меч, обливая сердце кровью тревогой за девочку, заняла перекрестье ходов, единственное место, где могла как должно пользоваться длинною своего клинка, уже пылающего золотой гравировкой по долу. Рождённые в мельницах и восьмёрках рубящие удары не могли хвастнуть изысканностью фехтования, но с лихвой компенсировали сей ничтожный недостаток своей неимоверной силой не иначе распыляя драугров кучами останков.

Тощий призрак священника обратившись в свою тёмную ипостась в жуткую навью изгнившей личины, оскаленной клыками под капюшоном истлевшего савана изорванной рясы, метнулся обратно по лестнице.

Нет, богам хвала, не донеслось сверху криков малышки, призывов о помощи, не спустит на неё посягательств набожный, но лютый в гневе дух священника!

С левого плеча снизу-вверх на выдохе, восходящим прорубив словно пряжу кольчугу, разметав ребра сторонами. В

обратку шипами на кончике грянув по ретивому обрубку, что, скребя рукою настырно полз к дочери клана пред коей уже росла куча мала из останков, раздробленных во всяческие мелкие ингредиенты. Двуручник описав круг пред кряжистой мечницей высечка искры из низкого свода, устремляется справа-налево в горизонт разделив по грудным клеткам разом двоих, у одного обломок кованного в старь панциря, выдюживший ласку черной стали, прихватив большую часть рёбер и вовсе брякнул в кладь. Третий драугр что миновал удар клинком, откатился назад вдохновлённый пинком Алиры, что танцовщицей с шагом назад обернулась вокруг себя заняв на исходе пируэта прежнюю позицию держа клинок вертикально пред собой.

Взор кряжистой девы мельком глянул в сторону Ульда, за Скавела и барона мечница была тверда уверенностью, а вот за новенького не совсем! Зазря, воин даже не сдерживал драугров, он свирепо прорубался сквозь их ряды!

Воины минувших эпох прорывались вперед, полня коридор, но уже не просто беспорядочным валом истлевших в кости драугров, а не иначе проклятыми душами вернув память, они складывали строй в два щита.

Свечение глазниц сливалось в единый морок что разбивало порхание черной стали двуручника под сиплое дыхание!

«Долго ли они смогут стоять здесь? Сколько осият неупокойников плевавших на раны и усталъ?» – мимоходом задумалась дочь клана выбрасывая клинок вперед колю-

щим выпадом, дабы моментально дернуть обратно на себя разошедшийся щит мертвяка вырывая из изглоданных веками дланей, использовав шипы на конце аки крюк.

Утянутый за щитом мертвяк первый раз хрустнул челюстью от косого с правого локтя, следом обезглавился едва дева, обернувшись вокруг себя добавила с левого сверху, попутно перехватывая меч, а его сосед в строю раздался от последующего инерцией разворота выпада кликом наискось.

– Ууу... Горна жаркое пламя! – утробно взвыла Алира сбившись с ритма от пронзившей ногу боли! В носок сапога вцепился драугр, вернее обтянутый серой как пергамент кожей череп, самозабвенно орудующий гнилыми пеньками зубов!

Товарка кусача уже был подле, занеся топор, отбитый в полете левым наручем, меч верный и прекрасный сызнаова брякнул на пол, а правая латная перчатка врезалась под прожеженную тленом броду чудом цепляющуюся за челюсть, что от хлётского притеснения аж закусила носовую впадину!

– Чертов бобр! – поперёк себя шире мечница пнула закусившей персты головой ближайшего противника подломив ветхие ноги, но грызец только крепче закусил пальчики, второй пинок ушёл в стену и хруст черепка под длинную витиеватую отповедь совпал с хрустом перстов, самых любимых и прекрасных как мыслила Алира, градом ударов локтей и пудовых кулаков расшвыривая чуть не захлестнувших её мертвяков.

Драугры навалились на неё, скопом чуть не погребая под собой, клада старыми мечами и топорами по наплечникам и наручам воронённой стали, норovia местами вцепиться в плоть зубьями или когтями. Не иначе стая волков, оголодавших плохой добычей, набрасывались на бурого исполина медведя, расшвыривавшего буйной яростью поджарых бес-тий.

Позади что-то забубнила вельва не иначе на заступничество призывая богов. С лестницы наружу задорно скача по ступеням посыпались останки хольдов по всей видимости Элиот в естестве темной души рвал их, ограждая бусинку.

Ретивые мертвяки подвое повисли на руках, чей-то зев под кромкой волчьей меховой личины, распахнувшись вне всякой меры, обдавая смрадом готов был вгрызться в лицо ражей, на что мечница от души саданула лбом вдвое сбавив в оскале пеньков замяв нос волчий, а после собрав воедино все каки были силы, чуть не рвя жилы стряхнула драугров, хватив от безысходности боевой нож с пояса. Обнажив в голубоватом призрачном свете странную форму изогнутого к низу кончика и небывало прекрасный развод стали алло-чёрный.

Самое крайнее средство в коем Алира истово сомневалась, ведь то проклятье адово, скверны черных прожилок узор, разросшийся по правой могучей длани, сдерживаемый черной сталью и тиснением рун на коже, сгнуло жертвой отца, исчезло, не оставив и шанса суметь пользоваться адовой

пришедшей из глубин преисподней ковкой. Руку и впрямь ну словно в горн сунули, все жилы скрутило агонией.

Ражая разразилась воплем боли, гульнувшим эхом по ка-
такомбам кургана, и крест-накрест рассекла ближайшую хажу драугра. Как хорошо пропитанный смолой факел полыхнул иссушенный мертвяк, багряный ровно крови огонь пожрал его изнутри, вытеснив голубоватое свечение глазниц адовым отблеском.

От первого мигом занялся второй, удар сердца, и они развеялись тленным прахом смолянистым чадом выкрасив стены крипты, только брякнули в пол кованные с черной руды нерушимой оружие да брони.

Не ведая сколько, ещё сможет выносить глодающую руку боль, дочь клана, не размениваясь на колющие или перехваты стала широкими взмахами от себя и обратно сечь нежить освобождая пространство.

Рядом оказался Руд, чуть не угодивший под очередной полуслепой от исступления удар, выпучивший голубые глаза скорой вполне себе жуткой гибелью неупокойных, он по всему единственный смог, бросив туннель откликнуться на её полный муки вопль.

Облака пепла витали в воздухе золистой хмарью, чадом неприглядно скрасило область вокруг Алиры и едва Руд сменил её, опрокинув ближайшего драугра щитом, второго отпочивав головкой булавы косым справа-налево в колено и в обратку с тошнотворным хрустом под челюсть сорвав голо-

ву с шейных позвонков, она наконец обронила свой чудный кинжал хватив руку.

Бой, разносясь звоном супротив криков, воплей и боевых кличей не потребных драуграм, продолжал греметь по лабиринту, всё новые и новые минувших эпох вои, сбрасывая дрему ползли из самых темных закутков кургана и солоно пришлось бы всем коли не вельва!

Закончив свою тарабарщину да врезав костяным жертвенным клинком левую ладонь Ингрид, расчертила ближайшей стены кладку хитрым символом сплетённых в круг рун, а после хлопнула по нему аккурат в центр! Неведомо где зародивший не иначе в темной изнанке мира, незримый обычному оку шквальный ветер пронесся по кургану! Кланники минувших эпох от сего дуновения разбились неприглядными останками, брызнули сторонами, с противным полу-хрустом разрывая серую иссохшую плоть ошметками костяков. Только знай себе пали в ноги да грохнули о сены части древних доспехов и броней.

И снова по катакомбам воцарилась тишь, нарушаемая тяжелыми вздохами воинов отряда, что, опасливо озираясь сторонами на чернеющие мраком ниши в стенах, отирая соленный от яростной сечи пот, сошлись на развилке коридоров, все также освященной ровным неколеблющимся инновым пламенем жаровен малопритязательного пути.

– Сильно задела? – сведя тревогой брови под рассечён-

ным лбом Скавел оглядел Алиру.

– Ага, задери его великан, вгрызся бобром. – не чураясь присела она на кучу костей и останков сотворённую впредь заклятья вёльвы двуручным мечом.

Ульд чьего слуха в горячке стремительного боя не коснулся вскрик ражей тоже в свою очередь внимательно оглядел их своенравную атаманшу, но нет, не было крови или тяжёлых ран. А после глаза рыси внушка равно очам прочих полезли долой, ведь кряжистая воительница, закинув правую ступню на колено выдернула из носка мехового сапога по всей видимости зуб, в прошлом часть дружной семьи в тридцать два родича, следом шипя змеёю стянув обувку ощупала раскрасневшийся большой палец, уже раздающийся стоконами явно поломанный.

Слышал как-то Ульд от вещуна старого того, что выпестовал Ингрид на службу богам, слова мудрые! «Существуют в нашем мире тайны коих секреты лучше и не знать вовсе, рассудка лишишься!»

Одна из тех жутких тайн по всей видимости заключалась в непостижимом для твёрдого разума способе, ражей, уберёженной яростью берсерка и воинским мастерством от стали, дать ухватить драугру себя за носок сапога! Не рукой, не мечом или топором, а именно зубьями!

Первым не выдержал Скавел прыснув хохотом отерев кровавое чело, вторым над страшной раной, что всяко войдет в длинные саги хихикнул барон иноземец, вот только

новенького от потехи удержал жгучий злобой взор зелёных изумрудов рыжеволосой дочери клана, сулящий исподлобья не только перелом перстов, но возможно и хребта!

– Мне вот интересно Ингрид, а отчего ты сразу не отпочивала сухарей сим ладным способом? Ждала пока мне ногу съедят или порубят нас в кровавую колбасу? – все также баюкая нежно ногу подняла бровь Алира в голубом призрачном свете оглядывая вёльву.

– Ну боги не идут милость тем, кто сам не может себя оградить! Не привечают ни слабаков, ни трусов! А углядели что храбро секёмся и снизошли на помощь! – пожалала плечами Ингрид, а дочь клана тряхнула головой, гоня морок, ведь в свете голубеющих жаровен за их дурной с головы ведуньи на миг возникла еще одна нематериальная с красивым полногубым ликом высоких скул тисненым руническими письменами и гребнем волос, проплетённым косами через голову.

Туманная призрачная женщина в длинном платье широкого аж до ребер пояса с меховым плащом хитрых фибул, презрительно скалилась, прожигала, сощутив очи всю их разношёрстную клику полным злобы кровожадным взором.

Пару раз моргнув Алира углядела вместо гостьи из навигации материализовавшегося в привычном не тёмном обличье Элиота, а следом чуть скребя коготками ножек по ступеням лестницы вниз спустилась бусинка с тревогой и истовым переживанием оглядывая друзей и нареченную мать! Убедив-

шись, что все целы малышка юркнула обратно, прихватив по указке Алиры мешочек невместно для чего!

Ну только Ульд горестно взглянул ей в след, про себя посоветовав на так мало прихваченных перстней да браслетов! Вон у той какие глазищи что плошки, все драгоценное углядит, все соберёт!

И если стянуть сапог было тяжело, то возвращение его на законное место и вовсе стало богов испытанием! Но кабы там ни было вскоре горделиво шествуя впереди, ражая, выставив пред собой двуручник, сильнее обычного припадая стопой, шествовала во главе растянувшейся узостью коридора процессии в перёд в неведомое логово проклятого конунга.

Мертвенный колдовской свет иного мира дурманил разум, ворожил фантомами очи, остатки теней по углам обращая в диковинных тварей расфуфыренных шибче нет фантазией. Шаги, разбивая пыли толстенный слой, громогласно летели шорохом вдаль, заставляя съёживаться нутром, и всё ни шла из мыслей у дочери клана та навья! Ни в одной саге об Изгеррульве неупомянутая!

Путь иной раз сызнава расходился развилками лабиринта указывая правильную дорогу светочами, развеивающими мрак, то обращался какой залой по стенам высеченной барельефами, завешенной сотлевшими неразличимыми на узоры стягами, полной мраморных лож для тех же драугров, что

ныне заслугой вѣльвы разлетелись останками по сторонам.

– Эт хорошо, что деды наши вот так вот порознь ныне дремлют –обмолвился Ульд то и дело перекидкой топоров разминая руки.

– А как по мне кучками они страшнее нежели целиком! – хмыкнул барон. – Недалече от моего замка в деревушке вас-сальной на жальнике вон силой черной, могильным червём собрались покойнички воедино, на силу угомонили. – как-то свесил Руд плечи припомнив ночную жуткую битву в первый день знакомства с Алирой, когда на кладбище дух его воз-любленной опороченной скверной обратился длиннющим шипастым на обломки костей червем с зевом что у дракона.

– Каким таким червём? – как-то иначе оглядел развален-ных щуров Ульд.

– Футов десяти змеюка и пасть из ребер обломков, на раз в полы раскусит!

– Дела! – стороной обошёл очередного предка кланик. А Скавел дал себе зарок всенепременно вызнать сею историю, доселе не слышимую.

– Ингрид, а при Изгеррульве часом никакой вельвы-жри-цы не водилось? – чуть встав пред исходом очередной залы обернулась поперек себя шире атаманша, что всё не могла выкинуть из головы увиденное.

Смех, они с целой ратью драугров клинками недалече ме-рились, впереди ждет конунг от чьего имени малые и по сей день портки скрашивают, а мыслей с настырность дрянно-

го дырявого на гниль зуба не покидала именно она! И была причина, оживший мертвяк и в пол силы не сравниться и изувеченным скверной переродившимся ненавистью духом мщения, ему соперник только адов воин рогатый!

Как-то совсем забежали сторонами глазки их бесноватой провожатой!

– Ану блажная давай выкладывай! – видя, как растерялась вельва уперла клинок в ноги ражая, буравя подозрительным взором.

– А как ты вызнала? Про вещунью богов Рисидру Тёмное знаменье?

Как-то совсем уж не красно звучало имечко на непритязательный слух Алиры! – Неважно как вызнала давай растолковывай! – решила она придержать информацию о навье при себе, у верных сподвижников и так нервы шалят.

– Супротив остальным жрицам Ресидра служила только одной богине Мелитре владычицы мертвых душ и темной реки, истинно черными делами занималась, всё глубже увязая духом в черной изнанке нашего мира обретая родство с мертвыми! Как старейшины сказывают именно с её наветов Изгиррульв пошёл мечем по кланам мнимых предателей искореняя, оставляя на пепелищах селений только тела что заслугой Ресидры полнили черный Хирд драугров множа и без того немалое воинство конунга!

– Так значит ваша жрица обратилась в некроманта! – при-свистнул Руд. – Во дела!

– Изгиррульв пал только после того, как объединённых силой ведунов всех кланов смогли лишить колдовской власти Темное знаменье!

– А с ней то, что стало? Конунга проклинали, мы это знаем! А куда его вёльва девалась? – кабы невзначай поинтересовалась Алира знай себе пристальней оглядывая залу и косясь в проходы.

– Её сожгли на льдистом копье! – понурила голову вельва не иначе виной за своих предшественников. И было чему.

– Как сожгли? Огненная казнь запретна среди вольных земель, это за чертой Клыков рока еретиков да ведьм палят узколобые мракобесы, от богов воли сей запрет пошёл! – побагровев гневом на свой лик подошёл вождь медведей Скавел к Ингрид хватив подбородок да заставив глядеть в его очи ох недобро сверкающие! – Как посмели вы богов вещуны, душ вольного народа пастыри, сотворить такое непотребство!

– То были наши предки, не меня суди, но как сказывают иного способа просто не было! – взор Ингрид моментом обрел и ясность, и твердость. – Не думай себе вождь, что в иных землях кострища палят от прихоти или жажды чужих мучений, этот лютый способ сильнее прочих рвет узы невидимых сил мрака, с которыми сплетаются душами ворожей!

– От чего такое любопытство? – развеявшись образом для прочих слышимо только ей одной прошептал Элиот на ухо Алиры, уж слишком странно на взор духа она себя вела.

– Я её видела! – также не разжимая губ просипела ражая, выпучив зелёные глазищи.

– Чёрная неприкаянная душа некроманта? – впервые Алира увидела ужас, четко оттеснившийся на призрачном лице священника.

Рядом с так и удерживаемой вождём за подбородок вельвой, сизнова зримо всем соткался туманным естеством Элиот. – Когда её жгли она сыпала проклятьями? Вы проводили ритуалы очистительного экзорцизма?

Ответ выпученных обескураженных глаз ведуньи, как казалось, чуть не заставил духа взвыть отчаяньем как ловушку оглядев стены катакомб кургана.

– Убираемся отсюда! – хладом как в лютую стужу, от которой трещинами идут стволы деревьев повеяло от слов священника.

– Эт отчего? – подался вперёд Ульд уже воочию гадающий на какой огромной куче злата сидит дряхлый Изгеррульв.

– Не за конунгом вашим сюда летел демон, за душою прикованной проклятьем к нему, за духом этой вашей Тёмного знамения!

– С чего взял? Мы вельвы да жрецы-ведуны, волей пред-
рассветных творцов – богов светлых! Уж почуяли бы коли воротилась бы она духом беспокойным! – скрестив обидой и раздражением руки на груди, дескать так усомнились в силе ведовской её братства, медленно процедила Ингрид огляды-
вая собравшихся. И может ей мнилось сим мигом грозна она

в своем гневе! Ведь пятились прочь от неё и Скавел и Ульд, Атира вон и вовсе чудище своё неподъёмное наставила.

– Ага почуяли бы! Нос то не заложило соплём! – фыркнула огненно-волосая дочь клана, играя жвалами под высыпанными веснушками скулами. Уже примеряясь к удару клинком расходящимся золотым сиянием узоров дола, и плевать ей было на Ингрид, ведь позади вельвы стояла та самая на беду помянутая Ресидра.

Морок мгlistой туманной хмарью, принявший как на духу красивейшее из возможных черт, вобравших северную нестигаемую красу и стать! Вот только лик портили черные руны, устилавшие кожу и оскал плотоядный алчущий. Не жалел на неё конунг злата и серебра, им вышито было платье длинное, проклёпаны пряжки десятков ремешков, объединённых в единый пояс, даже фибулы, крученные тонким узором, схватившем по плечам плащ из шкур волчьих морд и те пестрили камнями.

Медленно очень медленно обернулась Ингрид чуть не нос к носу столкнувшись с призрачной навьей в свете колдовских жаровен почти материализовавшуюся плотью. Рука живой вельвыхватила грудь под мехов одеянием, сокрывшим бережный камень.

– Не выкорчевать семя гибели, не вырвать корни что взошли на костях, окроплённых кровью жертвенной! Вам не унять меня по воле Мелитры величайших из богинь! Сама жизнь ничто иное как единая тропа к смерти! Они едины,

эти скрученные в узел пути, нет там ни конца ни края! – почти ласково молвило наваждение. – Я упреждала скудоумов жрецов-ведунов, что малодушно презрели видения! Упреждала всех кто не хотел слышать! Скрепы миров рушатся! Одна печать уже пала, грань истончилась! Меня прокляли. Отвернулись от богов! Быть посему, коли вам не достаёт разума мы с возлюбленным отворим темницы под корнями земли, столкнув последней надеждой силы иных миров меж собой, на жертвенной крови соберём воедино воинство сумрачное необоримое не по зубам адовым тварям!

Для Руда слова призрака были полнейшей белибердой, а вот кланникам-горцам они изморозью схватили нутро! Каждому от рождения слушавшему певцов-сказителей скальдов да внимавших мудрости ведунов было ведомо про какие темницы бает черное знаменье, не иначе про те самые что берегут под гнётом гор инистых и огненных врагов рода людского великанов, тварей, запертых от самого сотворения, а печати не иначе те, что навь от яви отделяют, царство живых от обители мертвых!

Шаги твёрдые упруго-пружинистые грянули громом посреди ясного неба, приглушенная поступь, доносившаяся из коридора в койй в поисках главной крипты кургана, вот-вот должны были вступить путники.

«Много, очень много зим назад уже и не счесть сколько, молодой вёльве было явлено страшное ведение, самой

Мелитрой хранительницей мертвых оно пришло! И молодая ученица ведуна, дюже страшась за судьбу родных земель пошла гласить упреждать о злом роке, нависшем над хребтами Клыков рока! Никто не приложил слуха, а за глаза мудрые богов вещуны только потешались, ещё и высмеяли, прилюдно обласкав неказистым прозвищем «Темное знаменье»! Как так? Ей значит недоучке снизошли творцы на озаренье, а им велико-мудрым запамятовали! Только один приложил к ней слух, а позже и душу! Только один, будущий конунг, не убоявшийся взвалить на плечи неподъёмный кровавый груз! Дабы внуки их внуков не страшились порождений преисподних и злых духов равно прочим иной веры народам! Вот тогда её восприняли всерьёз, их обоих восприняли и страшно было предательство собственного народа! Её разлучив с любимым, пытали и жгли, словами потаёнными рвали душу за уменье от Мелитры пришедшие духами беспокойными да драуграми повелевать, за истину коей устрашились. Но нет в мире сильнее силы нежели любовь, и там на костре воплотившим все какие есть в этом мире муки, когда свирепые ветра, воюющие меж синей ледяной короны Лыдистого копья, раздували пламя её погибели, Ресидра последними словами по воле богини мёртвых сковала навечно свой дух с духом Изгиррульва, сковала страшной печатью собственного жертвоприношения!

Многие века, они обреченные на муки, были вместе, невзирая ни на что, и не сошли с ума на равне переродив-

шимся от безысходности и страданий духам мщения, алчущими только крови и мук! Любовь, и долг пред своей землёй даровали сил держаться! Выжидать до той поры покуда не придут те, кто сможет своей кровью даровать им свободу от проклятья! И вот они здесь!

И вот он здесь, как и встарь подле своей возлюбленной ведуньи! Из озарённого голубоватым сиянием туннеля вышел Изгеррульв последний конунг вольных горных земель. Отголоски нави обрисовали над истлевшей в кость личиной, меченный широким кривым рубцом на левую сторону, ясный лик того великого вождя что был при жизни, широкие скулы чуть орлиный нос и выгоревшие пламенем бессчётных битв глаза как два осколка льда, взирающие из-под кроплённой серебром полумаски дивного шелома, по ободу не иначе короной венчаемого белёсыми сродни костям огромными толи клыками толи когтями не иначе дракона. Длинная борода плелась косами схваченными серебряными зажимами, лежала на панцирь, кованный с трех воронёных, одна чуть уже другой пластин, покоившихся поверх кольчуги. Истощённые руки, вернувшие мощь брешью колдовской, скрывали наручи черной стали, равно панцирю, воронённые пластины от запястья до локтя выпускавшие меховую подкладку на ровне наплечникам с небольшими гребешками воротами.

«Этот точно мой!» – двуручник ражей глянул в сторону конунга, в то время как сама хозяйка, не таясь вцепилась очами в пояс владыки ладных блях двух серебряных волчьих

голов, ошетилившись небывалым искусством чеканки закусивших друг друга. По бокам пояса тоже явно не в канаве прибранные покоились ножны с мечами в полтора-два локтя длины, чуть загнутых гард с оголовками, тоже изысканными на литьё. Любил видать Изгеррульв лесных скальдов серошкурых, вон как люто скалились, сверкая инкрустированными крошками рубинов буркалами. Был там и рог, витой весь в камнях и рунах на серебре вычеканенных, тоже в стоимость всего Хоукхолла – ястреба гнездовища деревеньки родной Алиренной.

Проклятый конунг окинул собравшихся голодным пылающим синевой взором. А после посмотрел на как вышло возлюбленную.

– Вельва и рыси правнук! – чуть печально огласила она, кивнув прекрасным челом на Ингрид следом на Ульда!

– Не взыщите! Пусть кузнец предвечный скорее переродит вас в новых сильных телах! Слуги Мелитры не тронут покуда в брод пресечете темную реку инистых берегов. – глазом способным утихомирить бурю изрёк Изгеррульв и потянул клинки на свободу.

Вот то были клинки, по одному черному разводу стали в каждом дюйме соразмерному промеж выщербленных в глубине дола рун, душой и умением, урожденного кузнеца, восхитилась Алира, в три своих веса золотом можно просить.

По всему смекнул то и Ульд, ведь его топор мелькнув в воздухе устремился ладным броском в сторону непокойного

конунга. «Что с бою взято то свято!»

Изгеррульв выписав левым мечом небрежный оборот, с показной ленцой отбил метательную снасть, устремляясь небывало грациозно в бой, ну на то он и конунг чтобы первым воином быть среди всего своего народа. И не скажи, что три сотни зим сидел, костеня да обрастая паутиной на троне под камнями кургана. Двигался ручьем перетекающе-плавно в тоже время неуловимо-стремительно, левой клинок держа пред собой наискось на уровне лица, а правый, чуть отведенный назад остриём вперёд.

Но битву завязали отнюдь не они, а Элиот перевоплотившийся темной ужасающей с виду душой, бросившийся сгустком мрака в своём изорванном саване на Рисидру, что на ровне супротивнику тоже приняла образ до смоченных портков прекрасный, почти голого черепа горящих синевой провалов, растрепанных волос и отворенного клыками рта во всю голову распахнувшегося! Два призрачных сгустка размытых скоростью и формой схлестнулись, разрывая друг друга на мрака завитки!

Рывок вперед и Алира широким щедрым на размах ударом справа-налево приласкала величественного мертвяка метя в грудь дабы не сгубить пояс.

Изгеррульв надававший скорости не рискнул по всему принять таков удар на свои мечи, а сорвался в подкат, чуть клацнув костяной короной об прорезавший в пустую воздух двуручник. Маневр перерос кувырком на выходе, из которо-

го важный друг наскочил, минуя мечницу на Скавела.

Левым от себя справа-налево от правого плеча, правым вдогонку, только чуть шелестит затхлый надрезанный воздух, оборот вокруг своей оси, крест-накрест в уровень груди, черными размытыми скоростью силуэтами разошлись пляской конунговы клинки, искрами да скрежетом бранясь с когтями медвежьего вождя, окружившего себя барьером взмахов своих чудных орудий, едва успевая подставлять их под молниеносные и страшные в своей силе выпады конунга.

– Стороной! – крик Алиры заставил Скавела отскочить назад, разорвав звонкую перепалку.

Ражая, набрав с пары шагов, разбега, ухватистей перехватив левой рукой пята рикассо, рубанула с левого плеча затем в зеркале с правого, а уж после выписав грациозную мельницу, из-за головы раздав в пустую камня кладь под ногами.

Ну точно призрак чуть правя полет тяжелющего клинка двужильной красоты по касательной своими мечами, давался сторонами Изгеррульв, минуя сокрушительные удары.

Выждав заминку сам в долгу не остался, заставив дочь клана потесниться, перехватив для парования двуручный меч широким хватом. Ох и засверкало оружие конунга молниями бряцая в ковку длинного меча, правым в горизонт, с оборота левым наискось, со следующего правым, а под конец извернув корпус бросил левый меч колющим, лязгнув чуть ниже шеи по пластинам нагрудника.

С правого бока наскочил Руд надеясь смести конунга уда-

ром щита наотмашь. Юркнув стороной, конунг словно пере-
катился разворотом по выброшенному вперёд щиту оказав-
шись за спиной у барона, приложив того оголовком меча в
затылок отправив в забытие!

«Мог срубить насмерть! Не срубил!»

Перескочив оглушённого спутника, в битву, вернулся
Ульд, уже подобравший позаимствованный у хольда топор.
Вот тут было на что посмотреть, шквальными атаками на-
правляемыми обеими руками обменивались противники,
пара топоров и клинков обратились смерчами отточенной
стали, неприметно глазу сплетаясь коварной паутиной ро-
счерков, разлетающихся звоном. Хорош был рыси правнук
любо дорого было глядеть как будто живя в рознь действова-
ли руки, то блокируя, то атакуя мертвяка. Но до Изгиррульва
ему всё же было далеко.

Поначалу теснимый Изгеррульв, непрестанно вскидыва-
ющий защитой клинки, просто действовал как смекнула ра-
жая, себе в угоду, отступая уводя смертельную пляску от
просторной части залы в центр, невольный лабиринт меж
мраморных лож усопших, где его не смогут взять кольцом.

Оказавшись меж постаментов, он показал себя во всей
красе, левый меч мертвяка грянул низко, Ульд отбил его то-
пором в правой руке, правый, сверху справа-налево наискось
заставив кланника поддаться назад, сберегая голову, и снова
левый сродни броску гадюки в колющем, насилиу отведенном
топорником, и смерть настигла бы Ульда смежила заботли-

вой пеленой веки, едва Изгеррульв обернулся вокруг себя вправо обрушив с разворота разом оба клинка с левого плеча. Рыси внука спас вождь Скавел лучшими своими половинками проскользнув по мраморному погребальному ложу и впечатав стопы в конунга отбросив назад.

– Добро! Славны вои, своих кланов гордость! – как-то даже одобряюще изрёк конунг, крутанув обоими клинками лихие восьмерки пред собой.

Крик, нет не крик, жуткий полный муки вопль Элиота, огласил подземную крипту. Навьи, все также обращаясь то размытыми пятнами мрака, то жуткими образами умертвий выгнивших тоже не сидели, сложа руки, сиюсь в столкновении бестелесных сущностей обороть друг друга. Вот только куда было пастырю Торсторда супротив и при жизни то познавшей все тайны мира мёртвых Ресидры. Тёмное знамение играючи взяла верх отбросив дух священника в угол в привычном образе.

Скачками, козлом горным вприпрыжку по мраморным вытесанным каменюкам, бесцеремонно расшвыривая кости усопших, неслась на конунга Алира, уже вознёсшая над рыжим челом свой неподъёмный двуручник. Ох и недобро скалилось твердо очерченное личико ражей высланное веснушками. Умен был конунг, креп на сечи и опыт ратный, выбрал лучшую из возможных позиций под свое мастерство, но и лишил сам себя маневра в сплетении постаментов, не уберечься в узости проходов ему от одного широкого маха

тяжелого клинка.

Всего на секунду взор мечницы гульнул стороной тревогой за духа священнослужителя. Пастыря Торсторда Элиота, идущего словно агонией рябью, лежащего в углу то обретая туманную форму то развоплощаясь, чего таить накрепко как родич запавшего в дикое гордое сердце. А в следующий миг, когда она обрушила своё оружие на Изгиррульва из-за головы, от единого слова Ресидры полного могущества, свет голубоватый, отражением иного мира освещающий нутро кургана, аки притушенные порывом ветра свечи, сгинул, погрузив крипту в крошечный мрак.

– Живы все? Где предки меня огради драугр и навья? – окрикнул в темени своих Скавел, услышав ругань Алиры что, потеряв ориентацию в пространстве навернулась с постаменты выронив меч что на излете разбил мрамора колоду.

Несколько раз метнувшись по сторонам пытаюсь скрыть своё местоположение, вождь медведей потянул с пояса флягу и выплеснул под ноги, следом от души вдарил туда коваными когтями высечка искры подпалив дюже крепкую брагу, на факел покамест времени не было.

– Где Ульд? Где Ингрид дурная? – ни сколь не волнуясь за исчезнувших врагов в дохлом лице конунга и его ведуньи треклятой, огляделась сторонами Алира, потянув с бока потушенный у лестницы факел устремляясь подхватив меч к пылающей лужице. Душу ожгли тревогой слова Темного зна-

мения дескать потребны им с полюбовником были именно новики в её отряде! А вот для какой черной оказии оставалось тайной. Рядом с могучей девой возник их призрак весь по виду лишённый немислимым противоборством сил.

– Скорее! Чую я какую волшбу совсем черную! – обмолвился дух за два удара сердца до разнёсшегося заклинательным пением голоса Ресидры, гульнувшим по подземелью.

Ох и красив был напев, стыдя звон горных ручьёв, любому великому чертогу пришёлся бы! Только веяло от сей красоты ознобом да хладом могильным сырм.

– Останься с Рудом! – свела решимостью посеченные рубцами брови Алира, уже в свете набирающего напор пляской пламени факела, вместе со Скавелом бегом устремляясь в проход ориентируясь отголоскам слов древнего ритуала.

Они бежали, поднимая саваны пыли, бежали изо всех сил, но что-то в глубине души ражей, тот потаённый голос души предательски велел смириться с утратой!

«Все рассчитали неупокойники чтоб им пусто было, конунг чтоб ему кости проморозило, спецом отвлѣк их от своей вѣльвы коию привечать надо было в первую очередь! И если бы не Элиот, отвлѣкший её противоборством, то уже первым мигом бы ослепила тьмой да умыкнула сподвижников!» Скрипела зубами могучая воительница, наддавая, слыша за спиной глухое дыхание медвежьего вождя. Про себя прося богов уберечь спутников!

Впереди равно растущему приближением переливистому

голосу вѣльвы, замаячило уже знакомое призрачное зарево голубого огня. Один поворот и они оказались в поистине великом погребальном чертоге поражавшем сродни базилике какого храма спасителя воображение, по всему раскинувшись уменьем каменотёсов в нутре горы только и способной вместить-таки хоромы, подневольно заставлявшие задирать голову. Стрельчатый свод непомерной высоты терялся во тьме сродни залу какого праздного чертога богов, его стены ровно стесанной скальной плотью пестрили барельефами, а два ряда резаных каменных колон замысловатых орнаментов, вот-так и не обхватишь, уходили во мрак над головами. Пространство меж колон прореженных теми-же жаровнями словно дорогой вело к дальнему концу кургана, к сверкающей приливами самоцветных жил единственной неровной нетронутой зубцом мастера стене, пред коей на возвышении десяти ступеней высился трон последнего конунга вольных земель.

Огромное каменное кресло, застеленное шкурами, его спинка мастерством небывалым резчиков, являла собой двух изогнувших шеи волков, обернувшихся пастями друг на друга, ошетилившихся воем, объяввших рунический круг. По форме оскаленных ликов лестных охотников были сотворены и подлокотники да так чтобы локти ложились на вздыбленных загривках.

Ныне трон пустовал Изгеррульв и его возлюбленная, погружённая в ритуал раскинувшая руки в величественном

черном жесте, стояли недалеко, а пред ними лежали будто во сне Ульд и Ингрид чьи груди едва вздымались, будто ворожкой останавливая жизни бег. Голос древней вёльвы отражаясь стенами залы гулял, множась эхом достигал в дивном пении немислимых высот.

Ражая, помертвев с лица чуть хромая решительно двинула вперёд за ней размяв плечи и взмахнув пару раз когтями поспешал Скавел. Драугр и навья даже не повели на них челами, но супротив Рисидре Изгеррульв стоял, понутив голову ветхих волос и бороды. Алира готова была поклясться, что доведись конунгу чей прежний лик призрачным фантомом возрождало сияние колдовское, взаправду обрестись плотью, то она углядела бы на нём скорбь и горечь, в разрез идущую всем тем сагам жутким и росказням об этом неупокоенном проклятьем властителя.

«Он мог порубить их там всех до единого! Но не стал!» – чётко сейчас едва схлынула горячка сечи осознала Алира. Но до раздумий не было времени, свербел слух от слов, потаённых Черного знамения.

Шагов десять оставалось до древних мертвецов, когда кончик двуручника на два шипа, уперся в незримую оку преграду. Вспыхнули рассветным сиянием иноземные золотые письмена по долу чуть очертив сферический купол энергии, объяввший проклятых, а ражая, не скупясь на удаль рубанула в барьер чуть не выронив клинок отдачей выдубившей руки.

Раз, второй, третий, скрежетом обрушивался под скрип

зубовный меч на преграду. Все бестолку, только пламенела ярость в деве от своего бессилия, а после и вовсе смылась нечеловеческим рёвом ведущим под руку пелену кровавую застывшую взор бешенством. Дочь клана, прозревшая на свой ужас как стали медленно увядать лики и тела сподвижников, с головой уйдя в отчаянное исступление обратившись смерчем, извергающим грозные проклятья, закулировала вокруг колдовского отпорного барьера, только черный двуручник непрестанно сажал по незримой пелене.

– Боги, где вы? – в плотную подошёл Скавел к черте, с мукой зря как уже приметно не иначе самой жизни сокровенная сила, светлым потоком покидая Ульда и Ингрид перетекает на разведенные длани навьи все более и более обрешавшейся жизнью равно Изгеррульву.

Слова неведомого заклятья гремели чуть не оглушая, распирая сами скрепы мироздания истончая завесу меж миром живых и мёртвых, а лик черного знамения заострившись тенями и чернотой, будто невиданным удовольствием сиял наслаждением даруемым возрождением.

Чуть в стороне, далеко отлетев, покинул руки Алиры верный, но оскорблённый хозяйкой меч и под вопли нечленораздельные безысходности, она потянула с пояса свой заветный кинжал! Ну будто лед надломившийся пошла преграда трещинами от частых колющих ударов, но сдюжила.

«Они пошли за тобой! Поверили, а теперь стали кормом для мертвяков! Все, кто ступает в твой след: отец, Лирия,

Мириам. Все рано или поздно находят жуткий конец! Что ты за вождь Алира? Раз не в силах огородить тех, кто беззаветно подставляет тебе свое плечо, слепо жертвует свою жизнь!» – голос самый страшный из возможных, застил рассудок смывая даже боль от прикосновения к чудному кинжалу невиданного сплава адова метала и черной стали.

Нет, он не принадлежал падшему ангелу демонице Ништар – Греха владычице, или другому какому отвратному отродью черных миров преисподней, эти слова изрекла не навья, что почти досуха выпила еще давеча незнакомых людей, решивших отвагой и крепостью духа пойти с ней в одном строю! Этот глас исходил из глубин души и нельзя его было заглушить.

Будто скрученная из мощи налитых мышц двужильная дикарка, бросив всяческие пустые попытки пробиться, тяжело дыша не мигая смотрела беспомощно на то, как обращаются останками Ульда и Ингрид. Не иначе каким проклятьем она сызнова оказалась там в Аннисбурге пред разбитыми воротами обители святых сестер! И враг, надрубив душу воительницы незаживающей раной оказался неодолим для неё!

Супротив внуку рыси и вельве жизнь ворованная полнила Изгиррульва и Рисидру.

– Как всё закончиться не брезгуйте любыми сокровищами моего кургана! – ну будто и не умирал три сотни зим назад, глянул живой Изгеррульв на ражую прожигая льдом глаз

своих, выгоревших на блеск от тяжелой судьбы. — Пусть родичи и семьи этих храбрецов! — кивнул он на две мумии. — До пятого колена внуков не знают боле нужды!

— Уж родичам я подарю твою голову соломой набитую! — гортанно рывкнула Алира коию аж трясло бешенством и яростью от своего бессилия и всепоглощающей ненависти.

— Возможно коли боги того захотят!

— Как смеешь ты поминать богов! — стоял, опустив руки со своими ныне бесполезными когтями Скавел, все также презрительно зря на конунга древности и его вельву. Ценою жизни люда одного с ними корня, своей родной крови, обманувших смерть. — Какой ты вождь и правитель готовый ценою своих людей продлевать свой век? Не дрогнет сердце коли есть оно у тебя, когда в кадку с водой глянешься, неужто в тебе не осталось чести и благородства предков?

— Дрогнет! Поверь ещё как дрогнет! — опустил неподдельной скорбью голову Изгеррульв. — Но именно богов на то воля! Коли не будь их на то замыслов, то осилила бы Ресидра такой ритуал?

Как пощечинами ожгли слова древнего конунга двух кланников. Сокрытой истиной ранили глубоко в сердце!

А древний меж тем продолжал говорить и от речей его стало еще паскуднее. — Жребий богини Мелитры пал на меня и мою возлюбленную! И мы приняли его каким тяжёлым он бы не оказался! Ведь ты тоже вождь Скавел сын Рудира. И разве не ты ли воин ради блага своего клана пролил кровь

единоутробного брата? Да цена велика! Пусть меня проклянут внуки и правнуки, пусть плюются от имени моего, но я огражу вольных племён обитель от адовой скверны. Не дрогну не скажу ни слова на замыслы богов воплощая их, ради блага кланов, и вернусь в сей курган едва дело будет сделано, коли не будет рядом желающего снести мне топором голову сам упаду на свой меч дабы принять расплату, но упаду гордо, зная, что свершённое мной позволит жить народу моей крови! – сказал Изгеррульв а после взял за руку свою вельву, нареченную Темным знамением. Два древних человека презревших даже смерть, ныне живые встретились глазами, а после едва незримый барьер развеявшись утратил свою силу, исчезли.

Медленно угасли жаровни на синее пламя колдовское, погрузив погребальный чертог в вязкий мрак, скованный тишиной. Теперь просто непроглядную тьму, лишённую злых духов. Оставило королевский курган проклятье, ушло вместе с Изгеррульвом только тлен и мертвецы ныне наполнили его!

Из коридора что вел в чертог показались отблески факелов и в величественную залу вступил все еще блуждающий очами Руд и бусинка в компании духа священника. Девочка, озираясь, задрав голову вертела ей по сторонам, лицезря великий посмертный зал конунга, кроха от рождения, меченая скверной, боле не чувствовала опасности и потому спустилась.

Четверо и призрак подошли к возвышению гоня вуаль тьмы пляской огня, склонив тризной низко головы над двумя ныне неузнаваемыми телами, больше походящими на прочих иссушенных смертным сном мертвяков, полнящих усыпальницу. Страшная судьба – вот так вот оставить мир в столь молодых зимах.

– Элиот ты можешь почуять куда наша парочка направилась? – погладив по головке шмыгающую носиком пуговкой бусинку, спросила Алира у призрака.

– Нет. – отрицательно покачал головой дух.

– Ну значит разыщем! – сцепила скрипом зубы дочь клана блеснув недобро изумрудами глаз.

– Наша цель Ништар, а не они! – всё также хмуря горем брови изрёк Скавел заставив Алиру оглянуться истовым изумлением.

– Ты посмотри на наших друзей! – указала она на два тела. – Тут сами боги велят воздать конунгу и его ведьме!

– Нет Алира! – ещё пуще твердея решительностью без тени сомнений заглянул он ей в очи вешая на пояс свои когти. – Боги велят нам найти Ништар и очистить Клыки рока от Адова отродья! Тоже они повелели и Изгеррульву с Темным знаменем! Предрассветные творцы, сама Мелитра богиня даровала им сил дабы прорвать смерти нерушимый порог! И я не собираюсь мешать древним делать дело от воли богов пришедшее! Если уж не удастся нам рогатую прихлопнуть, они мне вериться осият!

Ражей что даже перекрыла веснушек узор свекольным оттенком, зардев гневом, показалась дескать ослышалась. Но вождь медвежий твердо смотрел, он всем духом своим незнамо отчего накрепко верил конунгу древности!

– А коли они распечатают силы в чреве земли покоящиеся!

– Значит на то воля богов! – снова тихо ответил Скавел.

Бусинка и Элиот в компании Руда опасливо оглядывали могучую деву и далеко не малого на стать вождя потаённым страхом, боясь кабы снова не закипела в кургане битва. Вон как разом закипели страсти. На отлично знали они норов рыжеволосой строптивицы!

– Так значит Ульд и Ингрид будут не отомщены? Таков наш путь! – как на недостойного с презрением глянула на медведей предводителя дочь клана ястреба.

– Такова воля богов! Не мне им поперёк идти, хочешь ищи в ущельях исток бури ветров, а я за рогатой направлюсь в низины тундр! Пусть цена вышла высокой, но так нужно, иной раз с принципами и поступиться потребно!

– Коли хоть раз мы пойдем чести и совести наперерез, закроем глаза на nepотребство и черные дела недостойные! Сгинет наш народ гордый от предков крови! Сгинет в грязи и nepотребстве! Некого будет спасать, когда выгниют нутром рода и кланы! – тихо обмолвилась Алира боле не смотря на Скавела, зачем ей взор пачкать. – Про свое великое благо ты матери топорника скажешь единственную родную кровь по-

терявшую.

Двужильная дева подошла и склонилась над Ульдом бережно беря на руки невесомое тело. Рядом Руд также почти-тельно поднял вёльву. Первым делом они спустят с плато погребального их тела, а после воротиться дабы семьи смельчаков не знали нужды! В одном был прав Изгеррульв – добра тут хватит на много поколений вперёд, вот только померкли на отблески золото и серебро для своры ражей, те богатства несметные оказались им без нужды в одночасье не с кем стало делить.

Как бают Скальды горцев:

«Глупостью счастлив богач считая монеты, на чаши в каменьях глядя.

Но горько слезой пойдут его очи!

Ведь золото руки не подаст.

Не станет плечом в трудную пору.

Воды не подаст в последние дни!

Богат ведь не тот чья мошна тяжелей, с земли на раз не отнять!

Счастливей иной пусть ходит в рванине.

Богаче от сердца, всегда замечая чужую нужду.

Ведь в час его тяжкий други поднимут.

Все те, кому, не скупясь от себя отрывал.

Дел его славных вовек не забудут.

А коли потребно в свой дом занесут!

И на втором подъеме барон иноземец, негаданно оглядев с высоты ступеней ломано бегущих промеж скал и рунных камней-менгиров, дикой красы пейзажи вольных горных земель, попирающих пиками небес свод, негаданно громко рассмеётся при взоре на синюю корону Льдистого копья.

На недоумённые взоры Руд ответит, утерев глаза. — Ещё три раза по столько же, а потом на Льдистое копье!

Ветра, гуляющие по склонам поднимая зыбкие снежные шлейфы, разнесут по ущельям и хребтам смех, подхваченный всей сворой.

Люди не уходят бесследно каждым своим днём, каждым делом достойным, оставляя отпечаток в сердцах других.

На закате, в сгушающихся сумерках, часовой на надвратной башне частокола, накрепко сидящего в каменной клади, обступившего деревню лесных котов, углядел как со стороны дороги на курган Изгиррульва из сени лесов выехали приметные сани зашитых щитами бортов. Рог его пропел, единожды, весело так без опаски глася радостную весть, созывая деревеньку встречать героев на храбрость сердец порешивших наведаться в проклятые могильники.

Кипя варевом лестные коты объяли распахнувшиеся на две створы окованные врата. Вот только говоры да волнение радостное сгнули, одним видом возницы рыжеволосой, по-черному от горя лику по всему принесшую скорбную весть.

Ни на вождя, что не смотря на свой чин обогнал ребятню

дорогой к воротам, ни на прочих не смотрела Алира, только на старушку что прочла своё горе одни взглядом зелёных очей воительницы. Вот и осталась она одна во всём мире, зачем ждать следующий рассвет коли не увидит его родная кровь. Еще меньше став, понурилась мать Ульда, тихо сотрясаясь плечами, а ражей не иначе лося клана воин пробил копьем сердце. Прокляла в сердцах свои ноги, что привели к порогу звать первого среди лучших топорника дурного нрава с собой!

Той же ночью два костра взовьются огненной кутерьмой яркой у приютившего кроной капище богов ясеня. Жадно вылизут останки языцы огненные, треща бревнами. Придут все от мало до велика, напутствовать вельву мудрую и война нелюбимого, в последний путь через черную реку и норами земными в предвечную кузню Сидраса на суд!

И сызнова виною неискупимой смотря на обездоленную мать поборника, Алира услышит за спиной какого из хольдов слова: «Ну хоть одной бедой меньше, прибрали боги смутьяна, дурную кровь!»

Крепок был вождя ближник на манер всех рысей пестрил кручёными жилами по крепкому телу и хороша была кованая полумаска на шеломе, вот только замялась аки жестянка, сведя крепкую дружбу с кулаком дочери клана ястреба. Но не этим подивила клан лесного кота гостя, другим поступком.

Подойдя к матери Ульда, склонив чело, возьмет она кин-

жал у той с пояса и надрежет ладонь и себе, и ей, надрежет под вздохи изумленья клана да помешает крепким ухватом. Невиданное от благородства дело свершая в глазах предков и богов, обвенчав кровью на родство! Следом кряжистой воительнице ритуал нерушимый повторит Скавел, про себя посоветовав не ему пришла дельная мысль!

Мать Ульда смахнет слезы под множеством изумлённых взоров, еще давеча она была отжившей свой век одинокой старухой, лишившейся единственного сына, не нужной даже роду, а теперь породнилась через кровь разом с двумя кланами, да не просто породнилась, кровницей, по годам матерью стала вождю медведей и обласканной скальдами дочери вождя ястребов. Не было ей и при жизни сына здесь места, а теперича остаток века проживет в ином месте не столь гнилом на души злопамятные, в одном из двух иных кланов, где не будут в след плевать за грехи прошлого мужа, а чтить за жертву великого война любимого сына, справившего доблестью безбедный конец!

Несколько тяжких мгновения рысям казалось ну ничем их на веку боле не подивить! Эх не знали дубовы головы на что их грозные боги горазды.

Поначалу всем показался как ночную тишь, развеваемую треском погребальных костров и волчьим воем с лесов, прорезал колыхнувший земли твердь гром, ну никак не возможный зимним чередом предвестник грозы, а опосля обмерли сердца от увиденного в чернеющих высыпанных мириадами

звезд небесах!

Всяких чудес видала Алира за свои странствия, где злых от демонов и злых духов пришедших, где добрых от спасителя или своих древних богов, но не такого. На ровне всем деревенским обернулась она на восток отирая очи силясь согнать морок.

Меченный по серебрящейся шкуре рубцами шрамов, одноголазый волков вожак, ведущий стаю по узкой тропе перевалом кряжистого щетинистого на скалы отрога, в чьи следы уважительно вступали собратья, негаданно встал грозным рыком упреждая о своей силе округу.

Не понравился матерому запах, доносящийся из-за припорошенных снегами бивней каменных. Оскалился, собрался складками нос, обнажились клыки. Теперь чужаков почуяли и прочие волки на раз подобравшись. Донёсся хруст от поступи, ошетинились загривки дабы спустя два удара сердца слечь обратно, исчезнув грозностью в ревень оскалу. Из-за скалы вышли люди лютые враги стаи. Но не бросилась в атаку волчья братия завывла торжеством и восторгом почуяв своего хоть и в чужом обличье! Даже вожак подошёл, лизнув руку в вороненном наруче на меха серого подложке.

Изгеррульв держащий под левым боком шелом корону, подставив тронутые ранней сединой волосы ласкам ветров, тронул бороду улыбкой, порченной длинным рваным шрамом на левой щеке, нисходящим ото лба через невольно при-

щуренное око и теряющийся в косах на челюсти, уделив ласку каждому серошкурому а после как в объятьях хирда двинул дальше на подъем.

Много веков минуло стой поры, когда он был здесь в последний раз, когда неустанным трудом рубщиков, каменотёсов и прочих ладных мастеровых воплощалась в жизнь светлая мечта конунга. Даже едва видимая тропа, лишившись размаха дроги недосмотром и оползнями, змеёю ползущая по склону. В ту пору непрестанно жила упряжками баранов, волокущих на подъем стволы сосен великанов! Пять дорог вело в Ульвхендхолл «Логово волка», и все пять ныне забыты равно так и не возведённому городищу на плато.

Скорбно оглядел конунг белёсое поле, исцербленное каменными остовами-сугробами, кажущими из белоснежной паволоки то балки перекрытий, почерневших временем, то кладки порушенных стен. Под руку с величайшей богов жрицей в окружении волков шли они по так и не родившемуся поселению. Не зажглись по длинным домам очаги, не заиграли гимнами молоты по пяти кузням, не донесётся до Изгир-рульва лихая хмельная песнь воинов из воинских красивых залов чьи стены так и не выкрасились шкурами щитами и трофеями, а ристалища во дворах не утопались в каменную твердость. Только виднелись средь так и недостроенных домов, волчьи сечённые с камня статуи, должны по хитрой задумке правителя зажжёнными в отворённых пастьях кострами освящать улочки огнями.

Скорбь скрутила вновь гудящее набатом жизни сердце, сжав в кузнечных клещах. Он хотел подарить кланам величественную столицу, сосредоточения власти и красот, но они, прокляв его забросили небывалое дело.

Почувствовав горе возлюбленного Ресидра, склонила голову плетенного гребня ему на плечо, поцеловав в щёку в страшный шрам.

Пара подошла к славищу десятку идолов богов, должных в мечте стать центром городища. За ним выше прочих под пленом снегов высился холм, едва отсыпанный для чертога правителя затеявшего обжиться опосля своих людей. В первую очередь о людях думал молодой конунг не о своей роскоши!

Оглядев лики Сидраса предвечного кузнеца, Мелитры владычицы мертвых душ. Анистары хозяйки зелёных пущ, Рукрадора войн повелителя и прочих гигантов. Изгеррульв кивнул твердо Тёмному знамени и та, отцепив руки вошла в круг могучих творцов, разом угодив под взоры каменных истуканов, взирала правда только на свою покровительницу Мелитру, красивейшим из когда-либо слышимых конунгом голосов запев раскинув широко руки. Пару мгновений в выгорающем алом как пролитая кровь закате звучала только её песнь, а после что-то изменилось в самой сути мироздания. Треснули скрепы миров обособливо загробного царства. Запылали голубым пламенем очи Ресидры сродни рунам на лице точеном, а одеяния в виде платья под меховой накидкой

волчьих морд по плечам негаданно обратилось иным узором.

Словно смерчи разгоняя шлейфами плоть зимнюю белёсую, взвились столбы праха, серыми хмарными потоками устремляясь к ведунье словно обличая соткав из останков отжитой плоти и ржи рассыпавшегося металла ей некое подобие брони поверх чёрного сотканного мраком платья. Сродни корсету разросся пояс широкий под самую грудь, сплетенный полосами черной стали, юбка до подола выросла одна на одну рознящимися кроем лоскутами дублёной кожи склёпанными хитрыми бляхами в каждом отрезе на ширину ладоней. Поверх плечей легли изначально дублённые подкладки, перекрещённые по груди ремнями, а сверху изящные оплечья трех будто вылитых плавкой черепов. Чело, короновала диадема в виде обруча пылающих синевой рун блеклого белого камня. В руке вычурным изгибом воплотился посох костяной с навершием в виде лампы четырёх вросших друг в друга черепов, разинувших для светцов непомерно оскалы.

– Труби любой! Созывай свои хирды! – улыбнулась она ему и Изгеррульв поднес крашеный камнями да узорами в серебре разводе крученный витой рог к губам.

Нет, незауныло аки в кургане разнёсся его глас, громко и ликующе раздалось пение, как и в старь призывая доблестные сердца к сече, к звону стали к стуку щитов!

По всем Клыкам рока тем мигом треснули плиты древних курганов! А отголоски душ размытыми сгустками покинув

последние пристанища устремились к развалинам так и не возведённой столицы. Клятва страшна для кланника, ведь не проходит даже смертным сном. Много воев и воительниц, нареченных народом девами битв, присягнуло некогда конунгу Изгеррульву славному вождю и величайшему войну вольных земель и теперь клятва вернула им некое подобие жизни. Призрачными стенами щитов возникла королевская рать посреди заснеженных руин, туманные чуть скрашенные синевой колдовского пламени древние вои колыхались посреди плато, готовые, как и встарь идти за вождем!

Ресидра глубоко вздохнув затворила глаза, сведя лицо немыслимым напряжением, больше не воспевая скорее рыча заклатья, на силу толкая чрез себя неместные в мире живых слова. Вокруг неё мир, аки надломившись призмой, пошёл рябью, разрывая пуще прежнего грани мироздания. Там в пронизанной черными ветрами безысходности, хмарной подкорке материальной действительности, среди высыпанной пеплом юдоли нескончаемых руин, обиталища голодных теней, есть порушенное отражения каждого возведенного дома или того, что ещё только будет возведено. Все времена прошлое, настоящее и грядущее, сплелись в царстве духов единым узлом, и сейчас Темное знамение разрывала ткань мироздания вырывая из мира духов клочок что был так дорог её и конунга сердцу.

Плато во всю свою площадь треснув каменной плитой оза-рилось из расщелин могильным свечением, грянули из неот-

куда бешенные ветра, не иначе рожденные в ином месте в сумрачном царстве мёртвых, завывая буранами сметали они с горы плоти, снегов саванн, оголяя покосившиеся остовы домов и построек. Всего миг и невместно как возникшая буря улеглась, оставив Ульвхендхолл сиять призрачной плотью миражей. Городище отголоском мечты возродилось навиградом. Не было руин, только окруженные хлевами и сараями в плетнях ограде нематериальные дома родовые под длинными скрещенными по верхам стропилами крышами теса или дранки, и просторные красивейшие чертоги бражные да воинские.

Изгеррульву что невольно смахнул слезу, даже померещился из кузни звонкий глас молота.

И вот тогда, как от землетрясения вздрогнула сама гора, ревом пробудившегося дракона, невиданный грозы громом, затряслась кость земли вырываясь из плена скалистой плоти. Медленно тысячами обвалов и лавин оставив под собой кратер, глубокий портал в недра земные, поднялось невиданной ворожкой в небо плато аки вырванное из хребта крепи для нью неведомого великана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.